

Георг Айказуни

*Бешеный
правитель*

Начало Империи

Георг Айказуни

**Бешеный правитель.
Начало Империи**

«Издательские решения»

Айказуни Г. Г.

Бешеный правитель. Начало Империи / Г. Г. Айказуни —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835629-2

Московское царство конца 19 века. Страна окружена врагами. В этой реальности не было царствования Ивана Грозного, и царство к 1875 году представляло собой слаборазвитое государство с территорией в пределах Великого Московского княжества образца XVI века. Какие возможности у молодого наследника престола, в теле которого оказалось сознание нашего современника. Как выживет он в мире, который для него чужой, сможет ли достойно продолжить дело предыдущего владельца тела?

ISBN 978-5-44-835629-2

© Айказуни Г. Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	48
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Бешеный правитель Начало Империи

Георг Гариевич Айказуни

© Георг Гариевич Айказуни, 2017

ISBN 978-5-4483-5629-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Двадцатитысячная толпа вооруженных курдов заняла жилые кварталы Эрзурума. Христианское население города успело уйти заблаговременно, забрав с собой наиболее ценное имущество. Но в городе было много турок и других мусульман, около 100 тысяч жителей. Эти несчастные были уверены, что курды не осмелятся их тронуть и принципиально отказались выполнить настойчивые требования Беркер Бея, покинуть город вместе с христианами, и спрятаться в заранее подготовленных убежищах в горах.

В Эрзурумской крепости расположились три тысячи хорошо вооруженных и подготовленных бойцов, во главе с Беркер Беем.

Крепость была окружена с четырех сторон курдами. Неприятель под предводительством Шейха Мансура жаждал одним ударом уничтожить осажденных. Курды были уверены в своей победе, и предвкушали, каким пыткам будут подвергнуты Беркер Бей и его люди, после того как они овладеют крепостью.

Защитники крепости оборонялись довольно вяло, и к огромной радости курдов её артиллерия бездействовала.

Шейх Мансур решил устроить праздник для своих соплеменников, разрешив всем тем, кто не был занят в осаде крепости, участвовать в разорении и уничтожении города. Курды жаждали мщения, за последние полгода люди Беркер Бея убили свыше 10 тысяч самых боеспособных курдов мужского пола, и разорили 4 десятка богатейших курдских родов. До появления Беркер Бея в вилайете Эрзурум, курды считали себя основными хозяевами этой территории. Их влияние не распространялось только в самом городе Эрзурум, где в основном и проживали турки – их номинальные хозяева. В течение, каких-то полгода, Беркер Бей установил свои порядки, и в первую очередь начал с наказания курдов, много веков подряд живших за счет грабежей и разбоя на этих территориях, при молчаливом согласии османских властей. После ограбления курдами каравана Беркер Бея, во время которого были убиты несколько его слуг, последовал жесточайший ответ этого презренного турка. Беркер Бей и его люди уничтожили самого влиятельного предводителя курдов в вилайете и всех взрослых мужчин его рода. А дальнейшие события привели к их восстанию, под предводительством Шейха Мансура. Нападение на Эрзурум было ответом курдов, проживающих в соседних провинциях, за изгнание их соплеменников с территории Эрзурумского вилайета, и за смерть свыше десятка тысяч воинов курдов, держащих под страхом местное христианское население.

Нападение на город началось в первых числах января 1876 года. Предвкушая лёгкую победу, курды впервые за долгие годы решили не сдерживать себя по отношению к туркам. Они были в полной решимости продемонстрировать туркам, что нельзя относиться к ним, как к каким-то презренным христианам. Они привилегированные и имеют полное право грабить и убивать, и это было единственное, что они умели, кроме того, что часть из них пасла скот. Курды не могли допустить, чтобы такие доблестные воины как они, вынужденно должны стать землепашцами. Они как были, так и останутся бесстрашными воинами, зарабатывающие на жизнь грабежом, насилием и убийством.

Луна скрылась за горизонтом, и воцарился мрак. В темноте крепость представляла собой мрачное сооружение, стоящее на возвышенности одного из холмов. На нее со всех сторон сыпались пули, гранаты и бомбы, выпущенные из непонятно откуда появившихся у курдов старинных пушек. Вспыхивали пожары, но специально подготовленные пожарные команды быстро справлялись с ними. У курдов складывалось впечатление, что крепость ревет, как затравленный хищный зверь, и упорно борется в предсмертной агонии, решив умереть с честью.

На самом деле три тысячи бойцов, хладнокровно ждали момента нанести по ним смертельный удар. По приказу Беркер Бея, ни один курд, принимающий участие в нападении

на город, не должен был безнаказанно покинуть его приделы, их всех ждала неминуемая смерть. Но пока время для нанесения ответного удара не наступило. Три отряда, по две тысячи воинов в каждом, к рассвету прикроют все выходы из города. Только после этого начнётся уничтожение курдов, оказавшихся в устроенной ловушке. А пока, бойцы с укрытий меткими выстрелами уничтожали самых отчаянных курдов, решивших продемонстрировать соплеменникам свою храбрость. Они пытались с помощью длинных лестниц преодолеть крепостные стены. После потери нескольких сот смельчаков, до Шейха Мансура начало доходить, что своими пушками, которые больше смахивали на пукалки, и стараниями безрассудно храбрых соплеменников, ему не удастся быстро сломить сопротивление защитников крепости. Он был уверен в своей победе, не получилось так, будут брать крепость долгой осадой, все равно войска султана смогут появиться в этих местах не раньше, чем через месяц. Зимой основные проходы в горах завалены снегом, нужно время, чтобы очистить дороги. Шейх направил свой взор на горящий город.

Я наблюдал через бинокль за Шейхом и пытался понять, о чем он думает, но заметив его радостную улыбку от созерцания того ужаса, что творился в городе, я не сдержался, прицелился и выстрелил.

Город представлял ужасную картину. Он был весь ярко освещен, в нем бесились озверевшие курды. Трудно свыкнуться с мыслью, что человек способен на такие зверства.

Из окон и дверей домов вырывались огненные потоки и темные массы дыма. Весь город был объят пламенем. Дома были окутаны языками пламени. Обгоревшие опоры не выдерживали, крыши рушились и падали на несчастных обитателей. Многие жители были окружены пламенем со всех сторон, и не имели возможности спастись. До крепости доходили отчаянные крики и просьбы о спасении, несмотря на все старания гула пламени заглушить их.

В освещенном горящими домами городе перед моими глазами происходили невообразимые ужасы, трудно подающиеся описанию.

Курды убивали без пощады и насиловали изошренно, не различая ни пола, ни возраста.

Я до сих пор помню, как визжали дети, вопили о помощи взрослые. Но мольбы этих несчастных не могли тронуть сердца этих тварей.

В этих злодеяниях участвовали не только курды, но что самое ужасное, их жены. Они, подобно расщипавшим диким кошкам, забыв о своей человеческой сущности, вырывали из рук родителей детей, и бросали их в огонь...

По всему городу курды грабили, насиловали, убивали и поджигали дома. Вся эта вакханалия продолжалась до рассвета...

Я продолжал хладнокровно наблюдать за творящимся злодеяниями и не спешил на помощь к этим несчастным? Тогда у меня были резкие причины вести себя именно так, но по прошествии многих лет, я не могу простить себя, несмотря на наличие многих аргументов оправдывающих мое бездействие на тот момент.

Я прожил две насыщенные жизни в двух разных реальностях, чтобы понять и смириться с самим собой. Мне пришлось пережить многое, любить и ненавидеть, убивать и миловать, восхищаться и разочаровываться, и каждый раз мне приходилось делать выбор. Самое главное, я понял слишком поздно, в момент своей первой гибели, когда меня, с простреленными коленными чашечками и с вырванными ногтями, продолжали пытать нацистские выродки. Я умирал долго и мучительно, и именно в последние секунды жизни ко мне пришло осознание, что ради внутренней свободы и права собственного выбора, я готов к любым испытаниям.

Свобода выбора между ненавистью и прощением, и принятые мною решения, стали историей моей второй жизни.

Как бы там не было, для меня до сих пор загадка, как мое сознание переместилось в другую реальность, в другого человека, так же закованного в цепи и подвергающегося пыткам.

Полковник турецкой контрразведки и палачи, помогавшие ему вести допрос перестали. Допрашиваемый наследник Московского Царя получил многочисленные осколочные ранения во время сражения, но был в сознании. Оказывать медицинскую помощь военнопленным, даже столь высокого ранга, не было принято у турок. Русские, в лучшем случае рассматривались как потенциальные рабы, а те, кто оказывал сопротивление Великой Оттоманской Порте, считались неверными псами и подлежали уничтожению. Организм Великого Князя не выдержал пытки, и добиться от него какой-либо информации не удалось.

Умершего Великого Князя вынесли на поле и бросили в вырытую русскими военнопленными общую могилу, которую не спешили засыпать землёй. Пленных было пару тысяч, а среди них больше половины раненые, которые медленно умирали мучительной смертью. Число умерших постоянно росло, в том числе и за счёт замученных до смерти, на допросах турецкой контрразведки, русских офицеров.

Майор Кириллов, верный адъютант наследника Московского Царя Ивана IX, Великого Князя Владимира Ивановича чудом спасся. От взрыва артиллерийского снаряда он получил контузию и потерял сознание. Турки, обнаружив раненого Великого Князя, в бессознательном состоянии, обрадовались настолько, что посчитали контуженого офицера, лежащего рядом с ним, за погибшего. Придя в сознание, майор долго искал среди погибших тело Великого Князя. Не обнаружив его, он направился в сторону турецкого полевого лагеря.

Он прятался в небольшой лесистой местности, и по ночам искал в братской могиле, вырытой в 500 метрах от полевого лагеря турок, тело Владимира Ивановича. К вечеру вторых суток он увидел на телеге похоронной команды человека, которому он был беззаветно предан долгие годы. Великого Князя Владимира он считал единственным представителем царской семьи, способным спасти от неминуемой гибели Московское Царство. Ночью он достал его из братской могилы, чтобы похоронить в вырытой им в лесу могиле. Взяв на свои плечи тело, он направился в сторону леса. Стон Великого Князя для верного сына своего отчества и преданного подданного был самым прекрасным звуком, который он когда-либо слышал. Но этот стон принадлежал не Великому Князю, а мне, вернее моё сознание из другой действительности, и из другого времени переместилось в тело умершего или умирающего наследника престола Московского Царства.

Это долгая история, заполненная приключениями и разными событиями, и в течение моей второй жизни рядом со мной были люди, много людей. Некоторые из них дарили счастье от любви, общения и дружбы с ними, и было немалое число тех, кто оставил на моем сердце кровоточащие раны. Боль от их преждевременных потерь, постоянно со мной, мне пришлось научиться жить с ней. Ненавижу свое бессилие, когда не способен спасти близких и любимых людей.

В первой жизни я был романтиком, растерявшим свои идеалы и ставшим бизнесменом, любящим философствовать и строить из себя мыслителя. В момент государственного переворота на Украине я находился в Киеве, по вопросам бизнеса. Мой украинский партнёр, из числа олигархов, поддержавших государственный переворот, с радостью организовал мое похищение. Я оказался в руках нациствующих тварей. Эти подонки, долго и с особой изощренностью, истязали моё несчастное тело, получая от этого наслаждение. Они чувствовали себя сильными, по отношению ненавистного им москаля, и для пущей уверенности в собственной безопасности, заковали меня в железные цепи.

Наики клятвенно обещали своему хозяину, моему горе партнёру, что им легко удастся добиться моего согласия на безвозмездную передачу моей доли в совместном бизнесе. Я был осторожным дельцом, и знал, что в бизнесе, особенно в крупном, нельзя доверять никому, и оформил все мои права на собственность через оффшорную британскую компанию. Обмануть английское право, предоставляя фальшивую доверенность, для переоформления моей доли на себя, бывшему партнёру вряд ли бы удалось. Он прекрасно понимал это, а кроме этого

знал о моём жестком характере. Я не раз демонстрировал до этого, что со мной лучше не связываться. У партнёра был только один выход, при любом исходе убить меня. Единственное, что он предложил мне, это выбирать самому, умереть быстро без страданий, или в страшных мучениях. Я тогда впервые понял настоящую цену собственного выбора, и терпя невыносимые страдания, был счастлив, что свой последний выбор сделал сам.

После переселения моего сознания в новое тело, мне была доступна память его бывшего хозяина. Пока майор Кириллов заботился обо мне, подкармливая и меня повязки, я копался в памяти Великого Князя. Оказалось, я нахожусь на планете Земля, в 1875 году, но в совершенно другой реальности. История тут разошлась с моей действительностью после смерти Великого Князя всея Руси Василия III. Перед смертью Василий написал завещание и призвал митрополита, и влиятельных бояр признать наследником престола трёхлетнего сына Ивана, будущего Ивана Грозного. Но старшему из братьев Великого Князя, Дмитрию Ивановичу удалось посадить на престол младшего брата Андрея Ивановича, у которого, имелся малолетний сын, будущий наследник. При слабохарактерном Великом Князе боярство и духовенство заняли более сильные позиции в управлении государством, сократили права и полномочия худородных дворян, что привело к резкому ослаблению власти Великого Князя. Со временем титул Великого Князя был заменен на Царя, но реального усиления царской власти не произошло, и до момента переселения моего сознания, Московское Царство занимало, практически те же территории, которые занимало Московское Великое Княжество при Василии III. К 1875 году, под контролем Османской Империи находились Казанское, Астраханское, Ногайское и Крымское ханства. В отличие от моей истории, Оттоманская Порты, не смотря на коррупцию и слабость центральной власти, не являлась «Большим человеком Европы» и княжества Сербия, Валахия, Молдавия и Черногория не обрели независимость, они как были вассалами осман, так ими и остались.

После выздоровления, по многим причинам, я не вернулся на родину, но на всеуслышание заявил о своем спасении. Долгие годы я находился на территории Османской Империи, и был самым опасным и разыскиваемым государственным преступником. Я целенаправленно готовил развал изнутри этой зловещей империи, при этом зарабатывал богатство, власть, сформировывал верные мне вооруженные силы, готовился к возвращению на родину, где меня не особенно ждали. Турки называли меня «Kuduz han» (Бешеный правитель) и объявили баснословное вознаграждение за мою поимку или убийство. Я всё время был на грани, постоянно воевал, не раз был предан, даже арестован, умирал от пыток и голода. Мне удалось выжить, когда многие близкие и окружающие меня люди погибли. Слишком много соратников мне пришлось похоронить, и каждая смерть ожесточала меня. Я мстил, за каждого потерянного друга, и расплачивался с их убийцами сполна. Но месть не приносила успокоение, всего лишь чувство выплаченного в кратном размере долга.

Начну рассказ о моей истории с момента принятия мной решения, о передислокации на юго-восточную часть Османской Империи моего небольшого боевого отряда. Это решение я принял после того, как окончательно определился, что нет смысла моему преждевременному возвращению на родину. Боевой отряд, это я и семеро сопровождающих меня офицеров, унтер-офицер и нижний чин русской армии. Количество спасшихся, после поражения нашей армии в сражении под городом Елец было намного больше, многие прятались и по ночам перебирались на территорию Московской Руси. В течение 20 дней, пока я восстановился до состояния годного к транспортировке, майору Кириллову удалось обнаружить в лесном массиве, где мы прятались, несколько десятков русских военнослужащих. Мне повезло, в числе первых майору встретился военный хирург Пирогов Николай Иванович. По его словам, с такими повреждениями, полученными от взрыва снаряда и перенесенных истязаний, при допросе в турецкой контрразведке, ни один человек не смог бы выжить. Но моё новое тело упорно сопротивлялось, а после проведения нескольких операций по извлечению осколков снаряда и налажива-

ния фиксирующих повязок на сломленные конечности и рёбра, процесс восстановления организма происходил довольно быстро.

Со мной остались только те, кто были готовы присягнуть лично мне, и связать свою судьбу с судьбой Великого Князя. Я коротко изложил добровольцам причины, исходя из которых, я решил остаться на территории Османской Империи, и к моему немалому удивлению, нашлись семеро смельчаков, которые искренно любили свою родину, и изложенный мной план её спасения, несмотря на всю его авантюренность, их вполне устраивал. Чтобы потеряться во владениях империи я выбрал юго-восточную часть Оттоманской Порты, ближе к персидской границе.

Русские войска потерпели поражение под пограничным городом Елец в конце мая 1875 года, а в середине июня, тёмной ночью из лесного массива, где прятался мой небольшой отряд, выехали три телеги, каждая запряженная двумя хорошо ухоженными и откормленными лошадьми. Майору Кириллову удалось сохранить кассу русских войск, командовал которыми Великий Князь Владимир Иванович. Майор оказался хорошим организатором и рачительным хозяйственником. Вместе с присоединившимся к нам военными, в первые дни после окончания боевых действий, ему удалось собрать с расположения бывшего военного лагеря русских войск оружие, боеприпасы, продукты питания и три телеги. Лошадей, бесхозно бродивших по окрестностям, они также поймали и спрятали в лесу. К моему ужасу нашли и привели в лес любимого коня Великого Князя. Тогда, как я представил себя на этом прекрасном вороном жеребце, мне стало плохо. В прошлой жизни лошадей я видел только на экране телевизора и никогда ими не интересовался.

В первые дни путешествия я беспокоился, что турецкие власти быстро поймут, что по их территории передвигается подозрительный отряд русских, и до намеченной цели вряд ли нам удастся добраться без опасных и ненужных приключений. Как назло, из восьмерых, только Капитан Александровский обладал смуглой кожей и чёрными волосами. 25 летний храбрый артиллерист был среднего роста, плотного телосложения, и только темно-синие глаза выдавали в нем наличие славянской крови. Унаследовал он свою внешность от матери, турчанки по национальности, которую спас от смерти его отец, дворянин и потомственный военный, во время одной из многочисленных русско-турецких войн. Мать научила его турецкому языку и культуре, и он уверенно выдавал себя за состоятельного турецкого торговца, перемещающегося по территории Ногайского Ханства, с небольшим торговым караваном, в сопровождении своих славянских рабов. В отличие от моей ветви истории, в этой действительности рабство не только не было отменено на территории Оттоманской Порты, но и бурно процветало. Основными поставщиками белых рабов в империи были вассальные ханства, Казанское, Ногайское, Астраханское и Крымское. Если Московская Русь защите своих южных и юго-восточных границ уделяло серьёзное внимание, и с каждым годом набеги на её территорию становились смертельно-опасным занятием, то несуразное Польское королевство защиту своих южных границ поручило казакам. Эти горе защитники, ослеплённые лёгкой наживой, и пользующиеся слабостью польской королевской власти, зачастую сами являлись инициаторами набегов ногайцев и крымских татар. Вся юго-восточная территория Польши практически обезлюдила, русские, белорусы и малороссы, с этих территорий, убегали в Московскую Русь, где жизнь в условиях крепостного права не была лёгкой, но государство защищало свои границы, и перспектива турецкого рабства им не грозила.

Основной причиной недавней войны было желание Турецкого Султана наказать Московскую Русь, за прием беженцев из Польского Королевства и нанесение постоянных поражений ордам из его вассальных ханств. Не меньшую роль сыграла потеря значительных доходов султанской казны, от упадка работоторговли, из-за резкого уменьшения количества новых рабов. Поляки ожесточённо защищали свои западные территории, а пересечения русской границы, за последние сто лет, постоянно заканчивались позорным поражением и уничтожением напа-

давших орд из вассальных ханств. В последней войне принимали участие хорошо вооруженные и подготовленные регулярные войска турецкой армии – 30 тысяч пехоты. Объединенная армия, с иррегулярной кавалерией всех четырёх ханств, достигала 80 тысяч человек.

На третий день путешествия моего небольшого, но хорошо вооруженного отряда, мне стало ясно, что Александровский прекрасно справляется с ролью состоятельного турецкого торговца, и по дорогам ногайского ханства передвигаются пешком, на телегах или на лошадях немало людей со славянской наружностью. За столетия османского владычества, произошло такое смешивание народов, что на наш торговый караван мало кто обращал внимание. Только мой конь вызывал всеобщее восхищение, на котором гордо восседал капитан Александровский. Даже было несколько попыток овладеть этим благородным животным. Вечером третьего дня мне стало плохо. Несмотря на все старания Николая Ивановича Пирогова и различные лекарства, у меня резко поднялась температура, и я потерял сознание. Бредил я без малого 30 дней, иногда приходил в сознание и требовал продолжать путь. Во время одного из приходов в сознание, я случайно стал невольным свидетелем откровенного разговора между Пироговым и Кирилловым.

– Николай Иванович, может, откажитесь от вашего решения присоединиться к нашему отряду. Не в вашем возрасте играть в опасные игры, и не ясно пока, получится ли из этой авантюры что-нибудь путное?! Пока мы далеко не отъехали от европейской части Турции, я смогу организовать вашу переправку в Польшу, а оттуда сами спокойно доедите до Москвы. – В обращении Олега Дмитриевича Кириллова удивительным образом сочетались настоятельная просьба и желание обезопасить человека, к которому он относился с огромным уважением. Николай Иванович Пирогов был легендой русской и мировой военной медицины. Трудно было свыкнуться с мыслью, что он ежедневно будет подвергаться опасности, и не известно ещё, как долго вся эта безусловная авантюра будет длиться.

– Помните, вы с Великим Князем отговаривали меня возглавлять медицинскую службу наших войск. Олег Дмитриевич голубчик, я долго живу на этом свете и большую её часть провёл в многочисленных военных кампаниях. Наша несчастная родина веками то и делает, что защищается от внешних врагов. Иногда у меня складывается впечатление, что армия полностью разучилась наступать. Впервые за долгие годы у нас появилась надежда, что вот он, наследник престола, умный, смелый и талантливый полководец, который прекрасно понимает, страна в упадке и перенаселена настолько, что скоро сама начнёт разваливаться от надвигающегося голода. Да, у него крутой нрав, за это бояре и духовенство невзлюбили его, и бояться, что после смерти царя Ивана Владимировича, он приструнит их и поведёт страну к новым завоеваниям. Хотя бы вернёт наши исконно русские земли, которые под многовековым правлением поляков и этих разбойников казаков, скоро полностью обрастут бурьяном и превратятся в дикое поле. И в этот раз нам повезло, мы хоть и проиграли сражение туркам, но нанесли их войскам такой ущерб, что дальше наступать вглубь нашей территории они уже не были способны. Перед боем мы прекрасно понимали, что Владимир Иванович ведёт нас на смерть, и я тогда принял для себя окончательное решение, что до последней секунды своей жизни буду рядом с ним. Великий Князь, наследник престола, понимая, что боярская дума обрекла его на неминуемую смерть, принимает решение о сражении, с восьмикратно превосходящим численностью противником, а войска не задумываясь, идут за ним, осознавая, что для большинства из них этот бой будет последним в жизни.

– Вы правы, перед его высочеством не было другого достойного выбора, кроме как принять бой и постараться нанести туркам такой ущерб, чтобы они не смогли продолжать своё наступление. Я постоянно рядом с ним, вы сами знаете, он категорически отказывается держать в своем штабе этих многочисленных генералов из родовитых семей, предпочитая окружать себя толковыми и смелыми офицерами из худородных дворян. Конец XIX века, а наши бояре и духовенство держаться за свои властные и прочие привилегии мёртвой хваткой. Даже

Польское Королевство со своим вечным внутренним бардаком, намного опережает нас в своем развитии, несмотря на постоянные нашествия крымчан и ногайцев.

Владимиру Ивановичу было известно, что боярская дума специально устроила так, чтобы царь назначил его командующим армии. Разведка докладывала, что регулярные турецкие войска в десяти днях пути от наших южных границ, а мобилизация и переброска основных войск займёт минимум месяц, а то и полтора. Отступать без сражения, значит обречь сотни тысяч подданных на разграбление, изнасилование и рабство. Ни один другой полководец, из числа имеющихся в наличии, не смог бы так грамотно организовать сражение, чтобы нанести туркам такой значительный ущерб. Каждый из нас осознавал, что в этом сражении мы должны убивать и калечить как можно больше турок. И это нам удалось. Более семи тысяч наших героев сложили свою голову на этой битве, но каждый из них, забрал с собой на тот свет, в среднем по пять врагов. Если бы разница сил не была столь вопиюще большой, ну хотя бы один к четырём, то мы уничтожили бы всю турецкую армию и сохранили бы свою боеспособность.

– Для турок победа была пирровой, по моим сведениям, они потеряли убитыми и ранеными больше 50 тысяч человек, а взамен, убили 7 тысяч и взяли в плен чуть более 2 тысяч наших военнослужащих, и то половина из них тяжелораненые, и мало кому из них удастся выжить. – Горечь и сожаление потерями соотечественников выражались, не столько словами, а всем естеством, этого бесконечно уважаемого и любимого мной человека.

– Об этом пишут все турецкие газеты, нам повезло, что капитан Александровский присоединился к нашей группе. Владимир Иванович дал ему приказ, по пути налаживать контакты с местными работорговцами, и обещать большие барыши, за приобретение наших военных, которых рано или поздно турки начнут продавать в рабство. Остатков казны не хватит даже на высвобождение полсотни человек, я не имею представление, откуда мы найдём столько средств, чтобы спасти остальных? Но Владимир Иванович уверен, что деньги – это не проблема.

Вы не заметили Николай Иванович, что после ранения его высочество сильно изменился? Он всегда был рассудительным, и раньше я не замечал за ним этого авантюризма. Конечно же, и до этого, он был способен идти на осознанное самопожертвование. Но организовать борьбу с огромной Османской Империей находясь на её территории, и категорически отказываться возвращаться на родину, что это если не авантюра?

– У него не было другого выхода, – с печальным голосом ответил Пирогов. – Бояре и духовенство ненавидят его больше чем турок. Они прекрасно осознают, насколько он любим народом, и после его восседания на царском престоле, он непременно отберёт у них власть и привилегии. Беда нашей родины в том и состоит, что эти ненасытные, после смерти Василия III наложили свои грязные лапы на финансы государства, и у царя слишком ограниченные права, он только утверждает решения боярской думы, а в правительстве ему напрямую подчиняются военное министерство и министерство внутренних дел. В Европе все смеются над нами, только в Оттоманской Порте и Московской Руси сохранились, такие позорные явления, как рабство и крепостное право. На духовенство также нет никакой надежды, их только интересуют свои немалые доходы от церковной деятельности и обширных земельных наделов. Реальная власть находится в руках жадных и самовлюблённых болванов.

– Они не хотят даже шевелиться, ведь любому разумному человеку понятно, что османский султан долго не будет терпеть и в следующий раз пойдёт на нас своими основными силами, а западным соседям от нашего полного уничтожения одна выгода, и больше всех этому обрадуются поляки, немцы и шведы. Тридцать миллионов новых рабов, да за получение такого огромного богатства, турецкий султан сам поведёт свои войска к нашим границам. Ему наши земли ни к чему, зато за счёт русских рабов он пополнит свою вечно пустую казну до отказа, да и экономика империи оживится. – Майор Кирилов с трудом сдерживал свою ненависть к русским боярам, духовенству и Османской Империи.

– Как вам кажется Олег Дмитриевич, сколько времени осталось у нашей несчастной родины, пока султан Абдул-Азиз решится обрушить на нас всю мощь своей империи? – озабоченно спросил Николай Иванович Пирогов.

– Я плохо разбираюсь в политике, но слышал от его высочества, что Абдул-Азиз пока занят реформами в империи. Он хочет постепенно европеизировать её, но получает сильное сопротивление со стороны собственных вельмож и духовенства. Здесь и своего бардака хватает, но общее настроение турок с каждым годом укрепляется в едином понимании, что победоносная война с нашим государством, поможет им решить многочисленные внутренние проблемы и продемонстрировать западным великим державам, что империя ещё сильна, и способна продемонстрировать свою мощь.

Про коррумпированность турецких чиновников я был наслышан и в предыдущей жизни, оказалось, корни этой коррупции были глубокие, и капитану Александровскому за немалое вознаграждение, ещё в первые дни нашего путешествия, удалось купить фальшивые документы на себя и на своих рабов. Эти документы не раз помогли нам при встрече с излишне бдительными полицейскими.

Вернувшиеся на родину русские военнослужащие передали мое письмо царю, в котором было написано, что я тяжело ранен и пока не собираюсь возвращаться. В письме я прямо обвинил боярскую думу в государственной измене, и сообщил, что вернусь только тогда, когда буду обладать достаточной силой и поддержкой, чтобы предать всех иуд справедливому суду.

Это письмо наделало много шума в Московском Царстве. Царь Иван IX, не смотря на ограниченность своей власти, назначил расследование. Бояре вынуждены были принести в жертву нескольких второстепенных членов думы, но представители основных старинных родов не пострадали. И я приобрёл смертельных врагов, которые ни при каких обстоятельствах не собирались допустить моего возвращения на родину. Царь вынужден был удовлетвориться этим спектаклем, власти и влияния на большее у него не хватало. Вся эта история, через иностранных послов, просочилась в прессу западных стран, и дошла до турецкого султана. Абдул-Азиз назначил специальное расследование, и туркам пришлось раскопать братскую могилу, чтобы продемонстрировать доказательства смерти наследника русского престола. Не обнаружив тело, власти объявили меня в розыск и по всей империи были распространены мои портреты, в том числе в центральных и местных газетах. Всё это происходило в то время, когда я был в бессознательном состоянии. Майор Кириллов принял единственно возможное решение. Побрили мою бороду, покрасили в чёрный цвет мои светлые волосы, предварительно укоротив их на турецкий манер. Даже близкие родственники неспособны были бы узнать в больном, худощавом черноволосом рабе, одетого в лохмотья, Великого Князя, наследника престола Московского Царства.

Благодаря стараниям Николай Ивановича и майора Кирилова, в течение двух месяцев я окреп на столько, что был способен не только самостоятельно передвигаться, но и приступил к тренировкам моего нового организма. Несмотря на многочисленные ранения и причинённые увечья турецкими палачами, мой новый молодой организм довольно быстро восстанавливался.

Со второго месяца нашего путешествия я начал постепенно тренироваться под строгим контролем доктора Пирогова и унтер-офицера Петрова Семёна Порфирьевича. 40 летний опытный служака был разведчиком, и разведывательная рота, в которой он служил, считалась одной из лучших в русской армии, в основном благодаря стараниям и талантам Семёна Порфирьевича. Учитывая, что повреждённые конечности не до конца срослись, мои тренировки вначале были щадящими, и к более серьёзной боевой подготовке, я приступил лишь в третьем месяце наших странствий.

По моему требованию, члены отряда, кроме Николая Ивановича, на протяжении всего путешествия занимались повышением индивидуальной боевой подготовки, по программе разработанной унтер-офицером Петровым. Кроме физической подготовки, все мы обучались:

рукопашному, штыковому и ножевому бою; прицельной стрельбе с револьверов и винтовок; различным премудростям разведывательной деятельности. Тренировки проходили три раза в день. С рассветом, пока дороги были пусты, мы осуществляли ежедневные пешие марш-броски на дистанцию 15—20 вёрст. Во время дневного отдыха, мы обучались рукопашному штыковому и ножевому бою, укрывшись от посторонних глаз. А на ночлег мы устраивались в отдаленных от основных дорог и мест проживания людей местностях, и до наступления темноты занимались стрелковой и разведывательной подготовкой.

Во время движения за наше обучение брался капитан Александровский. Со второго месяца нашего путешествия я внёс запрет на общение между собой на русском языке, не только во время передвижения, а в круглосуточном режиме. Несмотря на явное недовольство членов моего отряда, мы довольно быстро начали обучаться турецкому языку. В первое время наше общение между собой выглядело довольно смешно, пару слов на турецком, а всё остальное, на великом и могучем. Но изодраться в многоэтажных построениях мата я не позволил, и за каждое произнесённое не турецкое слово, нарушитель должен был следующим утром бегать дополнительную версту. Через ноги обучение к турецкому языку пошло довольно быстро, и к моменту нашего появления в долине, мы довольно бегло разговаривали на нём, по крайней мере, не сильно отличались от славянских рабов, проживших много лет в турецком рабстве.

По требованию доктора Пирогова и унтер-офицера Петрова, было организовано полноценное и обильное питание членов отряда. Мне приходилось постоянно слушать жалобы майора Кириллова, что золотые рубли и боеприпасы расходуются с такой скоростью, что в скором времени мы станем нищими и незащищенными. Но эти проблемы беспокоили меня в последнюю очередь. В прошлой жизни я освоил главное правило успешного бизнеса. При наличии сплочённой, профессиональной и хорошо мотивированной команды, деньги сами найдут путь в наши кошельки. Мне пришлось заняться обучением моих соратников основам коммерции, при этом вызвав немалое их удивление своими познаниями. Тогда мне повезло, капитан Александровский оказался не только хорошим актёром изображавшего из себя состоятельного турецкого торговца, но и способным коммерсантом. Кроме него, среди моих соратников, своими отличными способностями торговаться и выискивать нужную коммерческую информацию, выделялся нижний чин Афанасий Спиридонов. Этот ловкий 20 летний парень имел хорошо подвешенный язык и природный талант мгновенно оценивать основные черты характера человека, с которым общался. А его способность, в процессе общения, разговорить собеседника и выведывать нужную для себя информацию, поразили даже меня. Такую же мою способность, вместе с другими не менее значимыми, я считал одними из основных своих преимуществ, благодаря которым я в прошлой жизни был успешным бизнесменом.

Через месяц обучения я приступил к практическим занятиям для моих новоявленных помощников по коммерции, Александровского и Спиридонова. Мы задерживались в крупных населённых пунктах на пару дней, посещали рынки, торговые лавки, магазины, караван сарай и гостиницы, где останавливались торговцы. Мы изучали текущие оптовые и розничные цены, спрос и предложение на продовольствие и прочие товары, и собирали другую не менее значимую коммерческую информацию. Я специально не торопил своих учеников, и добивался главного, их хорошей информированности, и постепенной выработки умений, не только собирать, но и правильно анализировать коммерческую информацию. Они со временем приходили к пониманию, что, где, когда можно и нужно покупать, и продавать, чтобы остаться с хорошим наваром.

Постепенно мы перешли к конкретным торговым операциям, и к немалой радости нашего финансиста, майора Кириллова, содержимое его кассы начало пополняться. Но моё решение, о приобретении восьми большегрузных телег, оснащенных рессорами и обрешеченными колесами,пряженными двумя породистыми тяжеловозными лошадьми, опять расстро-

ило майора. Олег Дмитриевич, после покупки новых транспортных средств, две недели возмущался, что мы потратили половину наших средств на эти новомодные немецкие телеги. Он успокоился только тогда, когда нашим коммерсантам вынуждено пришлось продемонстрировать ему всё, на что они обучались и были способны. Дальше терпеть его постоянные претензии и ругательства, на ломанном турецком языке, они не были в состоянии. Тогда я тайно радовался, что у них появилась такая мощная мотивация, и они не разочаровали меня. Трудно описать, какая была радость у майора, после восстановления содержимого его кассы. Временно мы не портили его хорошее настроение, способствуя довольно активному наполнению его кассы.

После моего выздоровления, и моих безуспешных попыток отучить моих соратников относиться ко мне, как к наследнику царского престола, я был вынужден согласиться с предложением Майора Кириллова, обзавестись документами, согласно которым я был бы турком по национальности, отпрыском старинного благородного, но потерявшего своё богатство и влияние семейства. В отличие от фальшивых документов Александровского и его рабов, мои документы были оригинальными, и купили мы их у курда.

Курд, при встрече с нашими коммерсантами, рассказал, что овладел ими после разбойного нападения на небольшой караван. Его шайка приняла хозяина каравана за небогатого армянского торговца. Но после нападения и уничтожения всех охранников и возчиков, они ради любопытства оставили в живых хозяина и приступили к выяснению кто он и чем кроме этого жалкого каравана он владеет. Выяснилось, что к ним в руки попал сын турецкого бей, оказавшегося в опале у султана. За казнокрадство его изгнали из государственной службы, с конфискацией всего имущества. Только его принадлежность к старинному роду спасло ему жизнь, но вскоре он умер и оставил своего сына круглым сиротой. Родственники и бывшие друзья его отца отказались помочь мальчику, и тот выживал, как мог. Продав кое-что из оставшихся семейных драгоценностей, мальчик начал заниматься мелкой торговлей. Больших успехов на торговом поприще он не добился, и к моменту своей гибели заработал небольшой капитал, для покупки нескольких мул и телег, для своего бродячего каравана. Парню не повезло, он стал жертвой курдов, которые разбойничали недалеко от мест компактного проживания армян. Выяснив, что они напали на благородного турка, у разбойников не было другого выхода как убить торговца, и скрыть следы своего преступления.

Курд, продававший документы, был слишком откровенен, что не понравилось Александровскому, и он хотел отказаться от покупки документов. Но Афанасий Спиридонов, присутствующий на переговорах, не спрашивая мнение капитана, заплатил довольно дорого за документы, и вывел его из караван-сарая. Не дав ему возможности выразить своё возмущение, Афанасий объяснил ему, почему он поступил таким образом. Оказалось, что в документах описание внешности турецкого аристократа совпадало с моими данными – высокий рост, светлые волосы, карие глаза, и по возрасту, он был всего лишь на год младше меня, ему незадолго до гибели исполнилось 21. Но, не только эти документы побудили Спиридонова действовать таким образом. Он своим невероятным чутьём понял, что перед ним не наивный курд, строящий из себя простака, а опытный разбойник, решивший поближе познакомиться со своими будущими жертвами. По большому счету, курдским разбойникам было всё равно, кого убивать и грабить. Была бы у них возможность безнаказанного грабежа, то они, не задумываясь, напали бы и на турецкого султана.

Вернувшись к нашему каравану, Александровский и Спиридонов доложили о своих подозрениях, что курды в ближайшее время обязательно нападут на нас. Поскольку, всё это происходило во второй половине дня, ближе к вечеру, я распределился выехать незамедлительно из городка, где до этого мы собирались ночевать в караван-сараяе. До наступления темноты курды не решились бы напасть на нас, дорога была слишком оживлённой. Мы свернули на небольшой удобный для ночевки овраг, и приступили к приготовлению ужина. Поужинав, мы легли спать, оставив на дежурстве самого старого из нас, Николая Ивановича Пирогова.

– Ваше высочество, курды обнаружены они прячутся в пятистах метрах отсюда, с другой стороны дороги, за деревьями, – через полчаса доложил унтер-офицер Петров, которого толи в шутку, толи всерьёз мы называли начальником нашей разведки, – их слишком много, целая разбойничья шайка из 30 человек.

– Не беда, организуем почётную встречу, с салютом, – спокойно отреагировал я. Олег Дмитриевич, дайте сигнал Николаю Ивановичу, чтобы притворился спящим, костёр и так еле горит, через полчаса потухнет. Как станет темно, посадите на место доктора подготовленное чучело, а вы Семён Порфирьевич проследите, чтобы курды раньше времени незаметно не подошли, предупреждаю всем, за Николая Ивановича все мы отвечаем собственной головой. – Я был уверен, что нам удастся уничтожить курдов, несмотря на их значительное численное превосходство. Для моей уверенности были две причины. Первая причина, это неплохая стрелковая подготовка членов моего небольшого отряда. Несмотря на постоянное недовольство майора Александровского, мы почти каждый вечер тренировались в стрельбе из винтовок и револьверов. Если для винтовок боеприпасов ещё хватало, то для револьверов они закончились довольно быстро. Про качество самих револьверов даже вспоминать не хочется, после нескольких сот выстрелов они начали разваливаться прямо во время стрельбы. Когда я распределился Александровскому купить 16 качественных американских крупнокалиберных длинноствольных револьверов Colt Peacemaker 45-го калибра, и несколько тысяч патронов к ним, плохо стало не только майору Кириллову, но и самому Александровскому. Эти новейшие модели американских револьверов стоили баснословные деньги, как и унитарные патроны для них. Но я даже не думал отменить своё решение, лишь порекомендовал расширить список продаваемых нами продуктов и прочих товаров, чтобы возместить эти затраты, предупредив, что в скором времени мы будем приобретать новейшие многозарядные винтовки, которые стоят намного дороже этих револьверов. Как бы там не было, но наши тренировки по стрелковой подготовке продолжились, и благодаря личному мастерству и способностям требовательного и принципиального наставника – Семёна Порфирьевича Петрова, даже у Николая Ивановича наблюдались значительные успехи в прицельной скоростной стрельбе. А все остальные, в том числе и я, уже довольно сносно стреляли одновременно с обеих рук, но в эту ночь я дал приказ стрелять только из одного револьвера, с максимально возможной точностью попадания. Не было необходимости спешить, каждый из нас устроился в безопасном участке на дистанции 10—15 метрах от местоположения телег, которых мы расположили рядом друг с другом, чтобы уменьшить шансы нападавших курдов спрятаться за ними. Второй причиной моей уверенности было наличие у нас сведений, каким оружием были вооружены курды. Их капсульные одноствольные, или двуствольные пистолеты и винтовки не представляли для нас особой опасности, как и их пики и прочее холодное оружие. На 30 нападавших мы собирались потратить 96 прицельных, безостановочных револьверных выстрелов, а против тех кому повезёт выжить, мы имели под рукой наши армейские винтовки с пристегнутыми штыками. Обучению штыковому бою унтер-офицер Петров уделял особое внимание. Кроме меня и Николая Ивановича, все остальные были профессиональными военными. Мне тогда приходилось стараться в двойне, чтобы сильно не уступать своим соратникам. Если по прицельной стрельбе мои успехи были очевидны, то по штыковому бою только через год упорных тренировок, я заслужил одобрительную оценку со стороны Петрова.

Через час ожидания, мы слышали звук приглушенного топота лошадей разбойников.

– Курды совсем не уважают нас, я думал, они подкрадутся незаметно, а вместо этого, обмотали копыта лошадей тряпками, и решили кавалеристским наскоком одолеть нас. – Услышал я довольно громкий голос унтер-офицера Петрова, расположившегося в двадцати метрах от меня.

– По лошадям не стрелять, они стоят хорошие деньги! – не смог скрыть свою хозяйственную натуру майор Кириллов.

– Оставить разговоры! Действуем, как договаривались, после сигнала унтер-офицера Петрова, – прекратил я в приказном порядке общение между собой, хоть и понимал, что курды при таком шуме от топота собственных лошадей, вряд ли услышат нас.

Через несколько минут прозвучал условный сигнал Петрова, и мы незамедлительно разожгли факелы, после чего начали их бросать в заранее определённые участки оврага.

Бой длился недолго, благодаря устроенному нами освещению, нам удалось обойтись выстрелами из наших револьверов. Даже удалось удовлетворить жабу майора Кириллова, и ни одна лошадь курдов не пострадала. Наше удачное расположение не позволило разбойникам отступить, и все они были тяжело ранены или убиты.

– Что будем делать с ранеными Ваше Высочество? – обратился ко мне майор Кириллов.

– Допросите, и постарайтесь выяснить, где находится награбленное имущество, бывшего хозяина, купленного нами документов.

К утру мы прибыли к схрону разбойников. То, что мы обнаружили, поразило нас. Оказалось, разбойничать на дорогах Османской Империи, довольно прибыльное занятие. Разговорить раненых курдов, было нетрудно, особенно после того, как перед их глазами унтер-офицер Петров свернул шею продавца документов. Он оказался предводителем этой шайки, и от ненависти к нам, за столь неожиданную неудачу, всё время кричал, чтобы остальные курды вели себя как мужчины, и приняли смерть, не сообщив место, где спрятано награбленное.

На этом месте, нам пришлось задержаться на сутки. Наши телеги, и до этого были загружены до предела собственным товаром. Но оставлять бесхозно всё обнаруженное богатство было бы бессмысленно. Всё, что было возможно, мы загрузили на телеги, а остальное добро навьючили на тридцати лошадях, доставшихся нам от курдов. Радости майора Кириллова не было предела. Ведь в результате этой стычки с курдскими разбойниками, нам досталось богатство, в сотню раз превышающее заработанные на торговых операциях доходы. Я, недолго думая, распределился выбросить оружие курдов, посчитав, что оно устаревшее и малоэффективное. Тогда впервые я с радостью отметил, что мои соратники начинают высказывать свое мнение, с трудом преодолевая свои верноподданнические чувства по отношению ко мне.

– Ваше Высочество, это же целое состояние, нельзя выбрасывать столько добра! – возразил мне капитан Александровский. Майор Кириллов, конечно же, присоединился к числу протестующих.

– Ефрейтор Сухомлин оружейник от бога, и в основном благодаря ему, армейские образцы револьверов так долго терпели наши издевательства над собой. Согласно инструкции, они были рассчитаны на 300 выстрелов, с учётом текущего ремонта, но благодаря ефрейтору, револьверы выдержали все 600.

35 летний ефрейтор Сухомлин Естафий Никодимович, в действительности оказался мастером золотые руки. Ему удалось, кроме починки и наладки механизмов пистолетов и винтовок, привести в идеальное состояние их внешний вид, дополнительно обработав металлические и даже деревянные части, покрывая их морилкой и лаком. После его стараний, всё оружие выглядело как новоё, и нашим коммерсантам удалось выручить за них хорошие деньги.

Но тогда находясь на месте схрона курдских разбойников, я больше всего интересовался личными вещами бывшего владельца, попавших в наши руки документов. Их ценность значительно выросла, после полного уничтожения курдских разбойников. Свидетелей убийства благородного турка не осталось в живых, и у меня появился отличный шанс выдавать себя за него. Повезло, среди многочисленных разноразмерных сундуков, мы обнаружил тот, в котором хранились личные вещи убитого турка. Судя по всему, тот вёл бродячий образ жизни, и таскал с собой все семейные документы. Оказалось, он являлся сыном Бея – главы старинного османского рода. После его опалы, родственники отстранились от Бея, заботясь о собственной безопасности, но формально он, как был, так и остался главой рода, и сохранял за собой титул и полномочия. После его смерти, этот титул перешёл к его наследнику, в роли

которого я собирался выступить. Семейный архив оказался довольно обширным, и я вместе с капитаном Александровским, приступил к его доскональному изучению. Как говорят разведчики, изучал легенду. Я научился говорить на турецком языке, но только на уровне элементарного общения. Естественно, что мое произношение выдавало иностранца. Мне предстояло так же научиться писать и читать, и обзавестись соответствующими манерами высокородного представителя турецкой знати. Прежде всего, я тогда приступил к улучшению своих языковых познаний, и исправлению произношения. С того момента капитан Александровский был постоянно со мной, и я не упускал малейшей возможности научиться разговаривать как природный турок. На доходы, полученные от реализации награбленного курдами богатства, мы приобрели ещё 22 немецких большегрузных телег и породистых тяжеловозов. Нам пришлось нанять свыше 60 молодых, чаще всего юных возчиков, конюхов и других помощников, в основном греческого, армянского, грузинского и ассирийского происхождения. Члены боевого отряда пересели на лошадей, доставшихся нам от курдов, лучшие из которых мы оставили себе, а остальные продали. Мои беспокойства, по поводу отсутствия опыта общения с лошадьми, оказались беспочвенными. Мышечная память моего нового тела позволила в кратчайшие сроки научиться не только уверенно держаться в седле, но и продемонстрировать отличные навыки опытного наездника. В дальнейшем я постоянно передвигался на своем вороном красавце. Богатое, инкрустированное золотом и драгоценными камнями седло и сбруя, только подчёркивали великолепную осанку и грацию моего коня. Мне пришлось самому переодеться в богатую одежду, соответствующую для представителя и номинального предводителя старинного аристократического османского рода. Для Николая Ивановича Пирогова мы приобрели довольно крупный крытый дорожный экипаж немецкого производства, переоборудовав его в передвижную операционную: с операционным столом; ярким освещением, обеспечиваемым многочисленными керосиновыми лампами; приспособлением для быстрого разогрева воды; с необходимыми многочисленными медицинскими инструментами и большим запасом разнообразных лекарств и перевязочных материалов, в основном иностранного производства.

К середине сентября долгое путешествие моего отряда по землям Османской Империи неожиданно, даже для меня самого, завершилось. Мне выпало счастье встретиться с Марией Комин. Вглядевшись в её янтарные глаза, я понял, что пропал. С этого момента моя вторая жизнь навсегда была переплетена с жизнью прекраснейшей из женщин, когда-либо проживающей на грешной земле.

В течение трёх месяцев, маленький караван, состоящий из трех армейских повозок, превратился в крупный купеческий караван из 30 большегрузных телег, 3 хозяйственных тележек и крытого экипажа. Всё это богатство сопровождали шестеро отлично вооруженных всадников, на хорошо ухоженных и откормленных боевых лошадях, под предводительством светловолового, кареглазого, высокорослого, плотного телосложения, высокородного и богатого молодого человека, гордо гарцующего на великолепном вороном породистом коне. Как говорили в моей первой жизни, – «если понтовать, так понтовать по-настоящему».

Такого, всего из себя понтового, впервые увидела прекраснейшая из женщин – Мария Комин.

Я до сих пор помню, с какой ненавистью она смотрела на дикого турка, когда мы встретились впервые на узкой горной дороге. Её открытая коляска была вынуждена уступить дорогу нашему каравану. По её мнению, наше поведение было проявлением неучтивости, по отношению к ней лично, в жилах которой текла кровь византийских императоров. Даже в состоянии сильного раздражения, она выглядела божественно, а её светящиеся от гнева прекрасные янтарные глаза, с того момента, навсегда отчеканились в моей памяти.

После этой встречи, вокруг меня всё мгновенно преобразилось. Осмотревшись, я обнаружил, что наш караван находится на горной дороге, ведущей в довольно обширную долину, которую природа наградила невероятной красотой.

Две цепи величественных гор с заснеженными вершинами, как будто охраняли долину с востока и запада. Посреди долины, извиваясь, бежала широкая река. На склонах гор паслись большие стада овец и скота, а вся равнина была покрыта обработанными полями. Трудолюбивые земледельцы не оставили здесь и клочка невозделанной земли. На этой обширной долине недалеко друг от друга находилось несколько деревень, которые, утопая в садах и рощах, издали казались зелеными островами. Представшая перед моим взором картина была настолько завораживающей, что на секунду мне показалось, – я попал в рай.

Первое, на что я обратил внимание, – непривычно высокие горы. Их величественность была пугающей, и будоражила меня. В ту минуту я ощутил, что вступал в совершенно незнакомый мне мир. Вид долины вызывал радость и надежду, а суровые горы возбуждали во мне уничтожающую ненависть. Одновременно с этими чувствами появилось, заполняющее всё мое естество, чувство всеобъемлющей любви. Тогда я ощутил присутствие вокруг себя богов и демонов, и представил распад и возрождение империй и цивилизаций. Именно тогда я понял, что мне суждено в новой жизни, постоянно бороться за выживание и мне предстоит немало жестоких поражений, кующих мою целеустремлённость и храбрость. Теперь, когда бы я ни приехал на эту долину, прежде всего я ощущаю все эти чувства – она приветствуют меня и говорит, что я вернулся домой.

– У меня такое ощущение, что мы нашли наш новый дом! – сообщил я тогда своим сопровождающим.

– А здесь мне нравится, ваше высочество, – отреагировал одобрительно Николай Иванович Пирогов. Остальные смотрели на меня удивленными глазами. Изначально мы направлялись поближе к персидской границе.

– Олег Дмитриевич, попытаемся найти удобную стоянку недалеко от одной из этих деревень. Ничего, что мы не доехали до границы, судя по карте, она отсюда не так далеко, приблизительно 50 вёрст, – подтвердил я свое решение, которое для моих сопровождающих стало приказом, не подлежащим обсуждению. Прошло много лет, пока я добился от своих соратников, не безусловного подчинения, а полной самостоятельности и свободного высказывания собственного мнения.

Караван медленно передвигался по долине, проезжая одну деревню за другой. Мы осматривали внимательно все поселения, среди которых были греческая, три смешанные и одна армянская деревни. В смешанных деревнях проживали представители разных национальностей, греки, армяне, езды, грузины, ассирийцы, не часто, но встречались и славяне.

Мне понравились проживающие в долине простые труженики; светлокожие и смуглые, с карими, чёрными, зелеными и синими глазами – лица и формы этого ни на что не похожего многообразия, несравненной человеческой красоты.

На самом краю долины, в ущелье, стояла армянская деревня. Посоветовавшись с соратниками, я принял решение обосноваться там. С точки зрения безопасности она больше всего устраивала нас. Деревня располагалась в значительном отдалении от основной дороги, что давало нам дополнительный шанс скрыться в горах, до появления незваных гостей.

Наш торговый караван медленно приближался к дому старосты армянской деревни. Нам было видно, что караван давно заметили, и у распахнутых ворот, с нетерпением и с немалой тревогой, нас ждал старый Андраник, в окружении пятерых своих сыновей.

Дом старосты армянской деревни Андраника отличался от других богатством и размерами. Он владел сотнями голов крупного скота. Его буйволы, волы, коровы и лошади считались лучшими во всей долине. У Андраника было свыше тысячи овец, которые паслись на ближайших горах. Но главным богатством старшины и его опорой были пятеро его взрослых сыновей. Все они были женаты, и дом старосты был полон ребятишек всех возрастов. Но больше сыновей старшина любил свою единственную дочь, прекрасную Анаит.

Когда наш караван подъезжал к дому старосты, я обратил внимание, что он похож на хорошо защищенную крепость. Весь участок был окружен четырьмя высокими стенами, образовывавшими внушительных размеров прямоугольную площадь, на которой находились разные хозяйственные постройки: хлев для скота, конюшня, сенники и кладовые для корма, погреба, амбары и т. д.

Там же были устроены помещения для пастухов и прочих наёмных работников с их семьями. Было видно, что в этом доме проживает богатая по местным меркам семья.

Глава 2

Наш торговый караван медленно приближался к дому старосты армянской деревни. Караван давно заметили, и у распахнутых ворот, с нетерпением и с немалой тревогой, нас ждал староста Андраник, в окружении пятерых своих сыновей.

Приближаясь к дому, я думал о себе, о своей второй жизни. Прошло почти 4 месяца, как мое сознание переместилось в новое тело в другую эпоху и в другую реальность. От ощущения пугающей свободы кружилась голова. У меня имеется полная свобода выбора, и нет обязательств, перед семьёй, друзьями, коллегами, партнёрами и сотрудниками, все они остались в прошлой жизни. Несмотря на присутствие ощущения свободы, я отчётливо понимал, что полная свобода невозможна. Мне уже встретились люди, которыми я дорожу, моя родина в смертельной опасности, и я уже успел ввязаться в непонятную авантюру. Вряд ли в прошлой жизни я решился бы на столь отчаянный поступок – бросать вызов огромной империи. Постепенно ко мне приходило ощущение реальности, и моё сознание начинало избавляться от чувства нереальности, и холодный разум всё чётче брал верх над моими поступками. Я опять становился прагматичным и осторожным человеком, живущим по собственным правилам. В прошлой жизни, я сам себе не особенно нравился, было слишком много разумных компромиссов, ради личного благополучия и сносного сосуществования в окружении себе подобных. В результате, к сорокакам годам из восторженного романтика, я превратился в философствующего эгоиста, с вполне определенными меркантильными целями. Только обретя вторую жизнь, я осознал, что прошлая жизнь не удалась, я превратился в слишком мелкого и приземлённого субъекта. Тогда я тешил своё самоуважение, что богаче абсолютного большинства людей, проживающих на земле и у меня высокий социальный статус. Как бы я не старался утешиться самообманом, прекрасно понимал, что имеются люди намного богаче меня и с более высоким статусом и возможностями. На самом деле я был букашкой, которую при желании могли легко раздавить, и не только более богатые, и влиятельные, но и каждый, кому сбредет в голову такая мысль, и кто способен переходить от слов к действиям. В принципе так и случилось, по сравнению со мной, с моим богатством и моим положением, этот украинский олигарх был слишком мелкой фигурой. Взял я его в младшие партнёры, только для того, чтобы тот решал проблемы с местной властью.

Я посмотрел на безоблачное синее небо, и сердце мое было так же чисто и полно радужных надежд. Я ощутил, что в этой жизни я не опущусь так низко, мне меньше всего хотелось уподобиться на прошлого себя, и я ясно осознал, что меня ожидает совершенно другая жизнь.

– Ваше высочество, мы подъехали, вы будите спешиваться? – тихим голосом спросил капитан Александровский.

– Обращайтесь, как подобает Ахмет Ага! – ответил я на тюркском, так же тихо. – Александровский мгновенно понял, что непроизвольно допустил оплошность. Он спешился, поклонился мне, и повернулся в сторону старосты деревни.

– Салам алейкум, – произнёс он, держа руку у сердца в знак уважения.

– Ваалейкум ассалам, – ответил старик и вместе с сыновьями сначала поклонился в пояс мне, потом Александровскому. Согласно принятому в империи этикету, староста обратился ко мне с приветствием.

– Уважаемый Бей позвольте пригласить вас в мой скромный дом, он принадлежит вам. Я ваш покорный слуга, сыновья мои – ваши рабы, а жены их – ваши прислуги; все, что есть у меня – ваше.

Я поблагодарил за предложение, и сделал знак конюхам, стоящим рядом с моей лошадью, что собираюсь спешиваться.

– Мои сыновья организуют достойный прием ваших людей, за них не беспокойтесь, уважаемый... – обратился староста к Александровскому, с явным намёком на желание понять, кем являются его гости.

– Меня зовут Ахмет Ага, я верный слуга Башкуртоглу Беркер Бея.

– Для меня высокая честь находиться в обществе столь благородного Бея. Приказывайте уважаемый Беркер Бей, ваш верный слуга готов исполнить любое ваше желание.

Мы в сопровождении старика Андраника (Андо) вошли в гостевую половину дома. Для приема гостей, домочадцы и слуги успели подготовиться. На полу был застлан богатый персидский ковёр, возле стен лежали мягкие подушки для возлежания. Для благородного Бея было приготовлено специальное место.

Я удобно расположился на почётном месте, и, совершенно неожиданно, один из сыновей старосты, подошел и начал снимать с моих ног сапоги. Рядом со мной занял место Ахмет Ага, который такого проявления восточного гостеприимства не удостоился.

Беседовал с хозяином дома капитан Александровский. Моих познаний тюркского языка вполне хватало, чтобы понять, о чём идёт разговор. Воспользовавшись положением высокогородного Бея, которому не предстало общаться с человеком столь низкого происхождения и статуса, как староста деревни, я благоразумно молчал. Демонстрировать свое плохое владение языком не входило в мои планы. Как бы я не старался, но научиться разговаривать бегло и без акцента, за столь короткий срок, мне не удалось.

– У вас великолепные горы и прекрасные условия для охоты уважаемый Андо, – начал с отвлечённой темы Ахмет Ага. – На каждом шагу встречаются дикие козы, блуждающие группы джейранов, зайцы то и делают, что выскакивают из-под копыт лошадей, а фазанов и прочей пернатой дичи великое множество. Пока наш караван медленно двигался по долине, мой многоуважаемый хозяин Беркер Бей изъявил желание осмотреть блаженные горы и остался доволен увиденным...

До подачи еды принесли кофе в маленьких чашечках, и Ахмет Ага со старостой деревни вели беседу на отвлечённые темы. Старик Андо оказался отличным знатоком лошадей. Он по достоинству оценил моего коня, безошибочно определив, представителем какой благородной породы арабских скакунов он является. Не меньше он восхищался породистыми тяжело-возами, которыми были запряжены наши большегрузные телеги. Ему с трудом удавалось сдерживаться от подробных расспросов, о телегах немецкого производства.

Настало время обеда. Прямо на полу, поверх персидского ковра, слуги накрыли скатерть и расставили блюда с пловом и целым жареным бараном. Между ними поставили кувшины с шербетом, миски с густым мацуном.

Мы за долгий день проголодались, и с аппетитом пробовали поданные угощения.

После обеда Ахмет Ага приступил к согласованию со старостой, где в ущелье мы сможем организовать стоянку для своего каравана.

Подробности их разговора меня не сильно интересовали, и я начал анализировать всё увиденное за этот день. Больше всего меня интересовала особа женщины в открытой коляске, в европейской одежде, которая смотрела на меня с нескрываемой ненавистью и презрением. Я обязательно собирался выяснить, кто она и где проживает, но для этого нужно было определиться окончательно, собираюсь ли я обосноваться в этой долине.

Издаലെка она выглядела райским уголком, но по мере передвижения, по расположенным там деревням, передо мной раскрылась совершенно другая реальность. Люди, проживающие в этих деревнях, были чрезвычайно в бедственном положении. За три месяца нашего путешествия я успел изучить реальное положение дел в Османской империи. Основа экономики империи – сельское хозяйство – находилась в глубоком упадке. Земля обрабатывалась по старинке, – плугами, и урожайность была крайне низкой. Но и этот скудный урожай в основном уходил помещику, в собственности которого находилась земля, и сборщикам налогов. Про-

езжая по разным территориям империи, мы везде встречали нищету и безысходность. Через Александровского я был в курсе, о чем пишут местные газеты. А там открыто публиковались статьи о том, что почти нет крестьянина в империи, за которым бы не числилось недоимок, превышающих весь возможный его доход за три года подряд. Начиная с 1873 года, голодные годы следовали один за другим.

От вида жилищ и условий жизни несчастных крестьян, проживающих в долине, у меня кошки заскребли на сердце. Мне, человеку из XXI века, трудно было наблюдать за этой картиной человеческих страданий, разбитых и развеянных по ветру чаяний.

Распахнувшееся по долине море людского страдания причинило мне физическую боль. Мне стало стыдно за собственное здоровье и благополучие. Столкновение с людьми, отверженными миром стало для меня мучительным обвинением, хоть я и понимал, что к происходящему вокруг не имею никакого отношения.

Во мне разгоралась чувство ненависти к османской империи. Обладая знаниями и историческим опытом, я понимал корни и причины происходящего вокруг. Мне трудно было разобраться в собственных чувствах, и я старался переключиться на наблюдение за текущей вокруг меня жизнью простых людей. Женщины занимались хозяйством и малыми детьми, мужчины трудились на полях или пасли скот, и повсюду играли дети. Меня поразила жизнерадостность этих людей. Они, жившие впроголодь и в ужасных бытовых условиях, общались между собой с улыбкой на лице, а детский радостный смех был слышан со всех сторон. Я никак не мог понять, откуда эти люди берут силы жить с такой безмятежностью. Как бы я не старался, мне было трудно понять способность этих людей приспособливаться к существующим реалиям жизни, и продолжать свой жизненный путь. В отличие от них, во мне кипели страсти, я категорически отвергал малейшую возможность для себя, жить так же смиренно, как живут они. Приспособливаться к окружающей действительности я не собирался, а как бороться с ней, я тогда не имел ни малейшего представления. Мне нравились добродушные лица жителей долины, я понимал, что не вправе осуждать их, но я начал сомневаться, готов ли я обосноваться в долине и жить в их окружении.

Вывел меня из раздумий Ахмет Ага. Он заметил, что я не слежу за их разговором и решил предупредить меня, – всё, что необходимо было выяснить и согласовать, он сделал. Я коротко поблагодарил за гостеприимство, и мы покинули дом старосты деревни. Когда я взобрался на своего коня, краем глаз заметил, с какой ненавистью смотрит на меня старший сын старика Андо. Мне сразу же вспомнились янтарные глаза прекрасной незнакомки, смотревшие на меня с не меньшей ненавистью и презрением.

Как бы странно не казалось, но мои сомнения, по выбору места базирования нашего каравана, сразу же исчезли, когда я вспомнил эти прекрасные янтарные глаза. Я обязан был найти её, и покинуть долину, где впервые встретился с ней, не собирался, по крайней мере, до момента нашей встречи. Я был уверен, что встретил свою судьбу и отказываться от её поиска я не собирался.

Наш торговый караван в сопровождении младшего сына старосты Андо остановился на согласованном участке. Староста, с пониманием отнёс к нашим потребностям, и подобрал действительно хороший участок, рядом с небольшой горной речушкой. Наличие по близости леса и гор так же вполне устраивали нас, а самое главное, участок был ограждён с трех сторон лесом и горными массивами, и проблема сильного ветра, который присутствовал на открытой местности, нас не беспокоила.

– Александр Васильевич, что скажите? – обратился я к штабс-капитану Шемякину, командиру сапёрного батальона, входящего в состав армии, которым командовал я, вернее настоящий Великий Князь. Оказалось, что этот 30 летний талантливый военный инженер, является потомком княжеского рода. В свое время он отказался от своих привилегий и отправился учиться, сначала в Италию, а после во Францию. Он получил блестящее образование

инженера-строителя и военного инженера. Его вклад в исход сражения под Ельцом был большим. Благодаря защитным инженерным сооружениям и разработанной им схеме минирования поля боя, турки понесли огромные потери в живой силе. Русская артиллерия до конца сражения активно действовала, нанося удары из-за укрытий, построенных по проекту штабс-капитана.

– Я успел осмотреть всю территорию ущелья, могу констатировать, что этот участок, наиболее подходящий для развёртывания нашей временной стоянки, – ответил штабс-капитан Шемякин коротко и чётко, как и подобает настоящему профессионалу.

Тогда я в очередной раз понял справедливость фразы – «Нет ничего более постоянного, чем временное». Не прошло и 3 месяцев, как на этом месте образовался целый городок, и, несмотря на наступление зимних холодов, были развёрнуты активные строительные работы. Не буду сильно забегать вперёд, лучше расскажу всё в хронологическом порядке.

Мне и моим соратникам не удалось выяснить личность той, образ которой был постоянно перед моими глазами. Это потом я узнал, что староста греческой деревни сознательно скрывал от нас информацию о Марии Комнин. В первые месяцы нашего проживания в долине, для многих я был ненавистным турецким аристократом, который на их несчастье решил остановиться по соседству с ними. От турок, тем более от турецкого Бея, они ничего хорошего не ждали. Для их опасений было слишком много оснований. Многовековой опыт проживания под османским владычеством греков, армян и представителей других народов однозначно подсказывал, что от турок, особенно от богатых и влиятельных, добра не жди.

Я вынужден был принять решение перезимовать в долине, и продолжить поиски прекрасной незнакомки.

Прибыли мы в долину в середине сентября 1875 года. Оборудовав временный лагерь, мы приступили к налаживанию торговых контактов. На 30 тяжеловозных повозках в основном были загружены непродовольственные товары. По дороге в долину, мы собрали всю необходимую информацию о товарах, пользующих спросом в этих краях. Мы тогда благоразумно отказались от поставок продовольствия в этот регион. В отличие от последних трёх лет, 1875 оказался урожайным, и на осенне-зимний период недостатка продовольствия не ожидалось.

В долине и близлежащих округах завершился период сбора урожая. Богатством и наличием денег, местные жители не отличались, но у них имелись излишки урожая, предназначенные для продажи.

Первоначально, мы собирались досконально изучить условия торговли в провинциях Османской империи, расположенных в Центральной Азии. Мне нужно было понять, в каком направлении развиваться, ведь для реализации моих планов нужны были деньги – неприменно много денег! Было ясно, что одними торговыми операциями много денег не заработаем. Но было разумно действовать постепенно, в первую очередь увеличивать размеры торговой деятельности. Не просто так мы стремились обосноваться поближе к Персидской границе. Было ясно, что без контрабанды в обе стороны, нам не удастся добиться значительных результатов в торговле, поскольку куплей-продажей контрабандных товаров промышляли все мало-мальски успешные местные торговцы. Нам удалось во время нашего путешествия определить, какие товары пользуются спросом по обеим сторонам границы, и больше половины нашего каравана была загружена товарами, предназначенными для контрабандной поставки в Персию. Осталось наладить соответствующие связи с местными контрабандистами и приступить к делу.

Легко было планировать, действительность оказалась намного сложнее. В Центральной Азии преимущественно проживали народы напрямую или скрытно исповедующие разные направления христианства, кроме курдов, азербайджанцев, небольшого количества турок и арабов. Несмотря на подчёркнуто уважительное отношение к турецкому Бею, местные торговцы и прочие дельцы, всячески избегали иметь дело с турками. Как выразился капитан Александровский, – «Греки, армяне, грузины и ассирийцы тихо ненавидят турок, и сотру-

ничать с нами вряд ли будут. Одно дело совершить разовые выгодные сделки, совершенно другое, налаживать постоянное сотрудничество». Львиная доля торговли в этом регионе была под их контролем, и у нас не было выбора, кроме как вынужденно организовать собственные розничные магазины и лавки в городах, крупных населённых пунктах, и формировать бродячие небольшие торговые караваны, для организации торговли в деревнях. Самыми выгодными были торговые операции, не за деньги, а в обмен, на продовольствие и на товары местных мастеровых. Мы вынуждены были организовать оптовые склады в крупных населённых пунктах для обеспечения полноценной торговли. Число работников из числа местного населения постоянно росло. Возникла необходимость организовать охрану наших небольших бродячих караванов, для которых в свою очередь нужно было приобрести новые телеги и лошадей. Затраты на организацию торговой деятельности росли с каждым днем, а это значило, ежедневно выслушивать недовольство нашего держателя кассы. Мы старались всё организовать поочерёдно, сначала открывать розничные магазины и оптовые склады в крупных городах, а потом перейти на формирование бродячих торговых караванов. Через месяц мы обнаружили, что у нас имеется нехватка продовольствия, поскольку продовольственные излишки крестьян нашей долины мы уже обменяли на наши товары, а продавать зерновые раньше времени мы не собирались. Пришлось в срочном порядке формировать бродячие караваны и тратить нашу наличность на приобретение всего необходимого. Мне никак не удавалось объяснить майору Кириллову, что сформированные значительные запасы, на арендованных в городах оптовых складах, зерна и кормов для животных стоят денег, а к концу зимы цены на них вырастут в несколько раз. Он демонстративно указывал на полупустую кассу, мол, признаёт только звон жёлтого метала. Я сильно раздражился, но старался сдерживать себя, понимая справедливость такой постановки. Учитывая наше нелегальное положение, в случае возникновения проблем с властями, все наши торговые предприятия и складские запасы не стоили бы выеденного яйца.

К нашей радости власти начали продавать в рабство русских военнопленных, и благодаря заблаговременно налаженным контактам с работоторговцами, мы начали выкупать их. Сделки по покупке наших военнослужащих происходили ежедневно, благо между крупными городами империи действовал телеграф. Капитан Александровский обосновался в Эрзуруме, и имел возможность в кратчайшие сроки реагировать на предложения работоторговцев. По моему указанию, он вёл жёсткие переговоры, стараясь максимально снизить цену на русских рабов. Для этого были несколько причин, наша наличность была ограничена, осенью цены на рабов резко падали, и на русских военнопленных, много желающих иметь их в числе рабов, не находилось. Проблем с ними было больше, чем пользы. Чаще всего именно они подавались в бега.

К чести Олега Дмитриевича, выделение денег на спасение наших военнопленных происходило без задержек, но, когда дело касалось других затрат, его трудно было остановить. Меня он стеснялся, и всё своё недовольство высказывал Александровскому и Спиридонову, – моим помощникам по коммерции.

Тянуть дальше с отправкой каравана в Персию мы не могли, наши основные деньги были вложены в товар, предназначенный для нашей первой контрабандной операции.

В первых числах октября наше финансовое состояние было близко к катастрофическому. Денег на развитие торговой деятельности мы перестали выделять, и все доходы, от уже функционирующих торговых предприятий и небольшие остатки наличности, тратились на выкуп и доставку наших военнопленных. К этому времени мы уже отправили деньги работоторговцам на сто тридцать рабов. Дошло до того, что я распорядился при нехватке финансов приступить к убыточным продажам наших немалых запасов закупленного зерна и кормов для животных. Надежда, до наступления холодов осуществить первую контрабандную операцию, таяла на глазах. Нам так и не удалось найти внушающего доверия контрабандиста, с помощью которого можно было начинать наши поставки в Персию и обратно.

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

– Ваше Высочество к вам посетительница, – с трудом скрывая своё смущение, обратился ко мне майор Кириллов.

Было от чего ему смущаться, я был, мягко говоря, в бешенстве. И всем моим соратникам, прежде всего майору Кириллову и унтер-офицеру Петрову досталось от меня по полной программе.

– Есть новая информация от Николая Ивановича? – Я не отреагировал на сказанное майором, меня больше беспокоило состояние двух наших сотрудников, получивших тяжёлые ранения при нападении курдов на один из наших караванов. – И почему задерживается унтер-офицер Петров?

– От доктора нет новых сведений. Двадцать минут назад я посетил медицинскую палатку. У охранника состояние тяжелое, по словам доктора, если ночью не скончается, имеется небольшой шанс, что он выживет. Приказчику повезло, несмотря на получение трех пулевых ранений, он пришёл в сознание после операции, и по прогнозу доктора, если не будут послеоперационные осложнения, то у него имеются хорошие шансы выжить. Завтра состоятся похороны возчика на местном кладбище, он был из местных крестьян. Я распределился пригласить армянского священника из монастыря, расположенного в горах. Все затраты на похороны мы взяли на себя. По вашему указанию, его семье мы выделим помощь деньгами и продуктами питания.

– Вам теперь понятно, почему я не хотел одобрить ваше предложение о преждевременном формировании бродячих караванов. Поймите же наконец, мы здесь чужие, в добавок выдаем себя за турок, которых тут тайно ненавидят все. Если нам не удастся наладить нормальный контакт с местными, придётся переехать в другое место, скорее всего в крупный город, где в основном и проживают местные турки. С моими познаниями турецкого языка и их обычаев, пока это невозможно. Кроме этого нам нужно опереться на местное население, одни мы вряд ли сможем добиться реализации своих целей. Где Петров, почему его нет до сих пор? Мы обязаны наказать этих курдов, и наказать так, чтобы местные поняли, что мы представляем собой реальную силу и не собираемся простить тех, кто осмелился напасть на нас и тем более на наших работников.

Я с трудом сдерживал свой гнев, и прежде всего, сердился на самого себя, что подался уговорам Александровского и Кириллова, под их личную ответственность сформировать бродячие караваны. Из-за нехватки свободных средств, мы не могли осуществлять крупные закупки продуктов питания и прочих товаров местных ремесленников, и наши магазины, и прочие розничные лавки, открытие во всех крупных населённых пунктах провинции, постоянно ощущали нехватку товаров. Бродячие караваны действительно решали нашу проблему с нехваткой товаров, но мы не были в состоянии организовать их защиту от курдских и черкесских банд, которые с молчаливого согласия властей, безнаказанно грабили местное христианское население. Они обнаглели настолько, что не упускали возможность грабить караваны турецких торговцев, что и случилось и с нашим бродячим караваном.

– Ваше Высочество, я признаю, что нам не удалось организовать надлежащую защиту мелких караванов. Сформированные летучие отряды охранников, действительно не в состоянии организовать патрулирование всех дорог, по которым они передвигаются. Да и назвать их охранниками язык не поворачивается, по сути, они как были землепашцами и пастухами, так ими и остались, только вооружены нашими винтовками. Невозможно за месяц подготовить нормальных бойцов из вчерашних крестьян, они хоть молодые и полны желания продемонстрировать свою храбрость, но этих качеств явно недостаточно, нужна серьёзная боевая подготовка и опыт. Мы надеялись, что флаг вашего рода, т.е. того турецкого Бея, отпугнёт разбойников, но вы оказались правы, они чужаков на своей территории не потеряют.

– Предводитель местных курдов – Махмуд Бек, по рассказам местных, является полноправным хозяином близлежащих территорий, – прервал я майора Кириллова. – Вали Эрзурума собирается наделить его властными полномочиями не просто так. Он имеет свою нема-

люю долю от тех грабежей, которыми промышляют местные курды. Пора показать всем наши клыки. Курды дикий народ, и признают только права сильного. Вы знаете, как переводиться на русский язык мое нынешнее имя?

– На это моих познаний тюркского языка хватает. Башкурт – вожак стаи, Беркер – сильный, Бей – предводитель рода, можно полное имя Башкуртоглу Беркер Бей перевести, как Сильный предводитель волчьей стаи. Но у нас слишком мало сил, всего-то 7 профессионально подготовленных военных.

– Почему же, под ружьем у нас стоят более сотни местных молодых парней. Не забывайте, курдов они ненавидят больше чем турок. Большинство злодеяний против христианского населения Центральной Азии турки творят руками курдов и местных перевёртышей, тех, кто осознанно принял мусульманство, и беззаветно служит своим хозяевам. Как военные, они, конечно же, малопригодны, но это не значит, что не способны на равных сражаться с курдами.

– Да, это несомненно так, но вы для них такой же ненавистный турок, которому они служат вынужденно, из-за нужды. Не думаю, что они преданны вам и будут рисковать жизнью ради соблюдения ваших интересов.

– Сегодня напали на наш караван, погиб и ранены такие же, как они. Работники прекрасно осознают, если мы оставим это без ответа, нападения со стороны курдов только умножаться, и им придётся или бросать работу, которая кормит их семьи, или противостоять курдам. Бросать работу они вряд ли захотят, нужда заставляет их с риском для жизни зарабатывать. Остаётся только одно, защищаться от курдов. Так что, они примут активное участие в наказании курдов, не ради меня, а ради собственной безопасности. Не нужно забывать, что из 300 работников мы вооружили и обучаем только 100 самых активных и агрессивных. Я часто замечаю, их заполненные ненавистью взгляды, направленные на меня и на капитана Александровского. Многие из них с удовольствием прикончат нас при первой же возможности.

– Я до сих пор не понимаю, почему вы дали приказ принимать на работу, как называете, активных и агрессивных. Проблем с ними хватает, унтер-офицеру Петрову приходится демонстрировать чудеса одновременной жесткости и терпимости, занимаясь их подготовкой. Своей дикостью, они мало отличаются от курдов. Я с нетерпением жду приезда наших военнослужащих, выкупленных из плена. У меня постоянное ощущение, что мы играем с огнём, пора распрощаться с ними, – уверенно в своей правоте высказался майор Кириллов.

– Вы так и не поняли, что опираться мы будем именно на местных. К сожалению, по имеющимся сведениям, нам удастся спасти не более 500 военнослужащих, и среди них будут немало искалеченных и больных. Для реализации наших планов, нам нужны тысячи, скорее всего десятки тысяч хорошо подготовленных бойцов из местного населения. Об этом мы поговорим потом. Вы не ответили, почему задерживается унтер-офицер Петров?

– Мне просто нечего было доложить, он сразу же после получения известия о нападении отправился разведывать обстановку. С ним отправились Спиридонов, Сухомлин и пару проводников из местных. Как только они появятся, я сразу же доложу Вашему Высочеству.

Что мне передать женщине, которая настаивает, чтобы вы её приняли?

– Какая ещё женщина, вы же не хуже меня понимаете, что мне пока рано общаться с местными, учитывая мой тюркский! – раздраженно отреагировал я.

– Не знаю как, но она знает, что вы русский, и сама отлично говорит на нашем языке. Внешне она не особенно похожа на русскую, и я в затруднении, как поступать с ней. Я предложил ей пообщаться с Ахмет Агой, но она настаивает на общении лично с вами.

– Говорите, она знает, что я русский, и сама владеет языком? Любопытно! Пригласите, послушаем, какие ещё сюрпризы нас ожидают сегодня. Как по мне, то плохих новостей и так достаточно.

Через пару минут в мою палатку в сопровождении майора Кириллова вошла 30 летняя женщина. Одета она была в довольно приличное платье местного фасона, сшитое из дорогой

шерстяной ткани темно-коричневого цвета, и на плечах был накинут бежевый шерстяной платок. Ростом была чуть выше среднего, и умение держать осанку подсказывала, что передо мной стоит женщина с чувством собственного достоинства. Голова была покрыта тёмным платком, из-под которого была видна прядь волос, черных как смола. Такого же цвета были её красиво посаженные большие глаза. Она была довольно интересной женщиной, обладательницей особенной восточной красоты.

Возникла долгая пауза, во время которой мы внимательно изучали друг друга. Она посмотрела мне прямо в глаза и заговорила на отличном русском языке, вернее на рязанском говоре.

– Здравствуйте, господин, меня зовут Ануш, я жена старшего сына старосты Андо.

Я невольно улыбнулся, услышав с уст восточной женщины ярко выраженное южнорусское произношение.

– С вашего позволения, я хотел бы поговорить без присутствия посторонних.

Майор Кириллов недовольно скривил лицо, от столь неуважительного отношения к себе. Я был настолько заворочен этой сценой, что неожиданно для себя сделал знак своему адъютанту, чтобы он оставил нас одних.

Я немного даже растерялся, моё воспитание не позволяло сидеть в присутствии незнакомой женщины, но местные обычаи и отсутствие стульев в моей палатке не позволяли хотя бы предложить ей присесть.

– В наш дом пришла беда, скорее она скоро случится. Вы единственный человек, к которому я могу обратиться. Только Вы сможете помочь нам не допустить, чтобы не случилось непоправимое.

– Уважаемая Ануш, прежде я хотел бы удовлетворить своё любопытство, откуда вы так хорошо владеете русским языком.

– Я родилась и выросла в Стамбуле, в доме влиятельного чиновника. Предки моего отца армяне, принявшие ислам. Отец влюбился в свою русскую рабыню, и я являюсь плодом этой любви. После моего рождения отец подарил моей матери свободу и заботился о нас. Мать отказалась принять ислам, и отцу пришлось смириться с этим, но признавать меня своей законной дочерью он не стал. Я выросла под сильным влиянием своей матери и была крещена в православную веру. С мужем случайно встретилась в Стамбуле, где он проживал несколько лет, со своим близким другом. По молодости они убежали из дома и в итоге попали в Стамбул, где судьба нас свела вместе.

– Извините за мое любопытство, но как вы поняли, что я русский и выдаю себя за турецкого Бея.

– В детстве я много общалась с высокопоставленными турками, среди которых были не только Беи, но Паши. Как я уже говорила, мой отец был влиятельным чиновником, и к нам приходили в гости разные вельможи. Я тайно следила за вами, когда вы посетили наш дом, чтобы согласовать место для стоянки для вашего каравана. Тогда меня побудило к этому простое женское любопытство. Не часто в наших краях появляются богатые караваны, и меня сильно заинтересовало, почему возглавляет торговый караван высокородный Бей. Вы не вели себя так, как ведут турецкие аристократы, но когда я узнала от мужа, как вас зовут, то сразу же вспомнила историю этой семьи, о которой не мало было пересудов. Восточные мужчины любят сплетничать о несчастиях других, а я тогда была молодой любопытной девушкой, иногда подслушивающей взрослые разговоры.

Я в очередной раз невольно улыбнулся, и Ануш заметив мою улыбку, немного замешкалась, и после небольшой паузы продолжила.

– У вас добрая улыбка, хоть вы ею и намекаете – повзрослев, я не утратила своё любопытство. Все мы женщины любопытные, такова наша природа, – улыбнувшись мне в ответ, продолжила Ануш. – В тот день я подумала – оставшись сиротой в юном возрасте, вы выросли

в нищете и сами добились своего богатства. Поэтому и ведёте себя своеобразно, не так как ведут представители богатых и влиятельных родов. Я обрадовалась, что среди ваших людей были русские. Хоть они и числились у вас в рабах, но я заметила, что вы не обращались с ними как с невольниками.

Потом заболел мой старший сын, местный знахарь сказал, что у него проблемы с животом, и, если я хочу, чтобы мальчик выжил мне нужно обратиться к русскому врачу, который находится в вашем лагере. Оказывается, по вашему приказу, местные знахари отправляли больных, которых сами не были в состоянии вылечить, к вашему врачу. Он всем больным оказывает бесплатную помощь. За короткий срок вашего пребывания здесь, слава доктора успела распространиться по всей долине. Больные, получившие помощь от доктора, и их близкие родственники рассказывают о его таланте великого целителя.

Моему мальчику уважаемый доктор спас жизнь. Мы с мужем, по собственной глупости, не хотели соглашаться на операцию, но ребёнку становилось всё хуже и хуже. Тогда доктор вызвал вооруженных охранников и распорядился не допускать нас в свою палатку, где он и приступил к операции. Муж, конечно же, начал возмущаться, он у меня своенравный, но охранники быстро скрутили его, хоть он сильный мужчина, и способен один противостоять нескольким. Потом он долго удивлялся, как русские охранники его так легко одолели, но с того дня постоянно молится за их благополучие. Это потом он понял, что мы могли потерять своего первенца, которого муж любит как-то особенно, как говорит моя мать – души не чаёт. Операция длилась довольно долго, я плохо помню латинские слова, произносимые доктором, но оказалось, из-за того, что мы долго не соглашались на операцию, в животе у малыша что-то лопнуло, и доктору пришлось долго бороться за жизнь ребёнка. Целую неделю не было понятно, выживет ли ребёнок или нет. Доктор постоянно находился рядом с ним и каждый раз видя нас, особенно мужа, смешно ругался, сначала на плохом тюркском, а потом переходил на русские ругательства. Добрый человек даже ругается по-доброму. Слава богу, ребенок пошел на поправку. Я тогда постоянно находилась рядом с ним и не раз видела, что вы часто посещаете палатку доктора, и постоянно спрашиваетесь о состоянии больных. Услышав, как вы разговариваете на тюркском, я тогда сразу же поняла, что вы не тот, за кого себя выдаёте. У вас такое же произношение, как у моей матери. Она много лет прожила среди турок, но так и не избавилась от своего русского акцента.

Мать у меня женщина гордая, и всегда подчеркивает, что она русская и никогда не поменяет свою православную веру. Даже мне запретила переходить в армянский обряд, после моего замужества. А отца моего так и не смогла простить, за то, что тот силой овладел ею.

– Теперь мне хотелось бы получить от вас откровенный ответ, кто кроме вас в курсе о вашей догадке, что я не тот, за кого себя выдаю? – задавая этот вопрос, я не сомневался, что от этой женщины мне не грозит никакой опасности.

– До сегодняшнего дня я хранила ваш секрет в тайне, но сегодня была вынуждена сообщить мужу и его близкому другу. У меня не было другого выхода, мой муж ненавидит турок, и несмотря на то, что ваши люди спасли жизнь его сына, он лично к вам продолжал относиться по-прежнему, слишком много горя ему пришлось пережить от турок, и до конца своей жизни он вряд ли сможет понять, что бывают хорошие или плохие люди, хотя по отношению к армянам и другим христианам, практически все турки, даже последний голодранец, ведут себя высокомерно, а порой и жестоко.

– Вы несколько раз упомянули о близком друге вашего мужа, расскажите кто он?

– Сын старосты греческой деревни. Когда им было по 17 лет, несмотря на запрет их родителей, они вдвоем убили несколько турок и убежали в Стамбул. До этого они были заклятыми врагами. Как принято в этом возрасте, они старались продемонстрировать себе и окружающим, что уже взрослые и храбрые мужчины. Под предводительством этих двух горе героев, молодежь из двух деревень, не раз ввязывалась в массовые драки между собой. Но случилось

несчастье, один турецкий полицейский чин, служивший тогда в Эрзуруме, организовал похищение дочери старосты греческой деревни. Тогда мой муж позабыв о вражде, первым встал рядом с сыном старосты и с того момента они самые верные друзья. Им пришлось вместе пережить слишком много горя и страданий, начало которым поставили турки, похитившие эту несчастную девушку. Она, как и её брат, была слишком гордой, чтобы смириться с таким унижением и позором. Даже после того, как она повесилась, её несчастное тело местный священник не разрешил похоронить в общей могиле. Тогда два друга похоронили её в горах и решили отомстить. Все турки, кто были причастны к похищению, были убиты, а первым они убили полицейского. Повезло, что свидетелей этих убийств не было, и они убежали в Стамбул, где им так же пришлось хлебнуть много страданий и горя. Их отцы до сих пор не могут простить своих сыновей, что те осмелились отомстить. За многовековое рабство, наши люди смирились со своей участью, но только не мой муж и его друг.

В последней фразе, произнесенной Ануш, было столько любви и гордости по отношению собственного мужа, что я не смог скрыть своё восхищение этой смелой и гордой женщиной.

– Уважаемая Ануш, для меня будет высокая честь познакомиться с вашим мужем и его другом. Я бы хотел продолжить нашу беседу в их присутствии и заранее обещаю, что окажу любую помощь, чего бы это мне не стоило. Ваша семья с этой секунды под моей личной защитой, и горе тем, кто решиться, каким-то образом навредить вас.

Я был предельно искренен, меня восхитил поступок этих двух друзей. В прошлой жизни, в молодости, я был задирой, и не раз вступал в драку, защищая честь и достоинство своих близких. Тогда я не особенно задумывался о последствиях. Повзрослев, я постепенно начал идти на компромиссы, и в итоге превратился в человека, которого сам же втайне ненавидел. Оказалось, обменять честь и достоинство и идти на постоянные компромиссы, довольно прибыльное занятие. В той жизни я вёл себя просто отвратительно, склонял голову перед сильными, и старался демонстрировать свое превосходство над равными или слабыми.

– Они находятся недалеко от вашего лагеря, я сейчас их позову, – Ануш произнесла свои слова дрожащим голосом. Она старалась скрыть свои слёзы.

Всегда теряюсь, в присутствии плачущих женщин. Так и не научился их успокаивать, чтобы плач не перешёл в истерику.

– Простите, я наверно сказал что-то не так, почему вы плачете?

Ответ Ануш меня просто поразил.

– Я думала, что моя мать сильно преувеличивает, когда постоянно подчеркивает, дочерью какого гордого и благородного народа она является. Для меня всегда была загадкой, если русские такие гордые и благородные, то почему так долго терпят унижения, нанесенные им турками и их верными псами. Миллионы русских рабов живут и мучаются в османской империи, почему тогда русские не спасают своих братьев и сестер.

Я уверена, что знаю кто вы такой. Тысячи русских поверили вам и пожертвовали своими жизнями, чтобы не допустить турок на свои земли. Они шли за вами, в уверенности, что лучше погибнуть в честном бою, чем терпеть унижения и угрызения совести, за то, что испугались и отступили перед многократно превосходящими силами турок. О последнем сражении с русской армией, в империи рассказывают легенды. Говорят, русские дрались как львы, под командованием храброго и талантливоего полководца, наследника престола Великого Князя Владимира. Моя мать в это время гостила у нас, и узнав что случилось, она горько плакала. Больше всего она оплакивала Великого Князя, называя его последней надеждой русского народа. Когда стало известно, что наследник престола выжил, и обещал покончить с Османской империей, счастливее своей матери я не видела человека. Тогда я не понимала причины её гордости и радости. Теперь, когда моей семье грозит опасность уничтожения, я понимаю, что моя мать устала быть бессильной и бесправной, что ей, как и каждому нормальному человеку, хочется быть частью чего-то великого и справедливого.

Ваше высочество, вы являетесь олицетворение этого высокого и справедливого. Только человек с благородной душой и храбрым сердцем, мог дать обещание помочь совершенно чужим людям, и только храбрый и достойный человек мог оценить поступок моего мужа и его друга.

Стоя здесь, я впервые ощутила, что во мне течет русская кровь, я горда, что я русская и уверена, что до последней секунды своей жизни буду вашей верноподданной.

Мне известно, что сегодня было совершено нападение на ваш караван. Так же известно, что вы дали приказ подготовиться к походу. Вы решили отомстить курдам за смерть простого работника, нашего односельчанина. Мне больше не нужны доказательства, чтобы быть уверенной, какой великой чести я удостоена, получив поддержку от Великого Князя Владимира.

Умоляю вас, Ваше Величество, ответьте, я правильно угадала?

Я до сих пор помню степень своего замешательства. Меня не беспокоило, что моя тайна раскрыта. Я никак не мог свыкнуться с мыслью, что меня люди воспринимают за реального Великого Князя Владимира, который за столь короткую жизнь, успел заслужить любовь и уважение, не только своих подданных, но и многих миллионов своих соотечественников, влачащие рабское существование на чужбине.

Я был напуган, смогу ли я соответствовать ожиданиям людей, связывающих столько надежд с моей личностью. Мне постепенно раскрывалось истинное положение дел. Рискованное приключение, в которое я ввязался вполне осознанно, и рассматривал его как сложный и увлекательный бизнес-проект, превращалось в нечто невообразимое. Реальная жизнь заставляла меня соответствовать чаяниям и ожиданиям, не только своих соотечественников, но и угнетаемых народов, проживающих на территории Оттоманской Порты. Не зависимо от собственных желаний и устремлений, я попал в водоворот событий, во многом непонятных мне.

Я устал ненавидеть себя прошлого, но кем я являюсь в настоящем, мне трудно было понять. Постепенно ко мне приходило понимание, каким воспринимают меня окружающие. От ощущения столь высокой ответственности, мне становилось не по себе. Я банально сомневался, что способен оправдать ожидания такого огромного количества людей, а самое страшное, у меня была, непонятно откуда появившейся, внутренняя потребность – не подводить и не разочаровывать их.

Глава 3

В полночь в моей палатке присутствовали Ануш, её муж Левон, сын старосты греческой деревни Андреас, майор Кириллов и капитан Александровский.

Мужчины удобно расположились на персидском ковре, опираясь на многочисленные подушки, а для Ануш принесли из палатки доктора Пирогова, специально купленный по его требованию стул, он упорно не желал в быту жить на восточный лад. По вечерам уже становилось холодновато, и тишину в палатке нарушал треск, исходящий от горения дров в печке.

Я посмотрел в чёрные как смола глаза Ануш, которая смотрела на меня с надеждой и уверенностью, что не ошиблась в своей догадке, кто я на самом деле. Я редко встречал сильных характером, умных и одновременно необыкновенно нежных женщин. Ануш принадлежала к их числу, и это я почувствовал с самых первых минут нашего знакомства.

Я улыбнулся Ануш и начал общий разговор с обращения к ней.

– Ануш Ханум, я так и не ответил на ваш вопрос, кто я на самом деле. Просто не хотелось повторять одну и ту же историю несколько раз, – я вынужден был говорить на тюркском языке, перестав скрывать свой русский акцент. Все присутствующие понимали только этот язык. – Поскольку ваш муж Левон и его друг Андреас присутствуют здесь, я постараюсь удовлетворить ваше женское любопытство. Должен признать, вы удивительно прозорливая женщина.

После моих последних фраз Ануш покраснела, а я посмотрел в сторону её мужа. Левон добродушно улыбался, демонстрируя, что ему прекрасно известно, про обостренное любопытство жены. При этом смотрел он на неё с невероятной нежностью, не стараясь скрыть свои чувства.

– Вы угадали, я действительно являюсь наследником Московского Царя, и зовут меня Владимир. История моего спасения далека от тех легенд, написанных в здешних газетах и рассказываемых разными людьми. Меня спас мой верный адъютант майор Кириллов Олег Дмитриевич, – я указал взглядом на майора, – а благодаря талантам нашего многоуважаемого доктора на сегодняшний день я вполне здоров.

После моих слов на лице Ануш появилась счастливая улыбка, перекрестившись, она начала произносить благодарственную молитву на русском. Левон и Андреас мгновенно встали и поклонились мне в пояс, выказывая своё уважение. Они были растеряны и не знали, как себя вести, но сидеть в моем присутствии долго отказывались. Мне пришлось в приказном порядке заставить их занять свои места. Оказалось, Ануш не сообщила им о своих подозрениях, кем я являюсь на самом деле, сама сомневалась, а ценить значение своего слова она умела. До моего признания Левон и Андреас подозревали, что я русский офицер, скорее всего шпион.

После того как улеглись страсти, я продолжил.

– Расскажите, что за беда грозит вашей семье, мы готовы вам помочь и хотели бы услышать подробности, – обратился я к Левону.

– Ваше Высочество, с вашего позволения, пусть об этом расскажет Ануш Ханум, мы сами узнали о грозящей опасности от неё, – с почтением обратился ко мне Андреас, при этом он сделал попытку встать, но мой однозначный жест заставил обращаться ко мне сидя. В этом неординарном человеке чувствовалась невероятная внутренняя сила, и был понятно, что он является лидером, чьё первенство признает его близкий друг Левон. Тот сам не был обделён сильным характером и огромной волей. В дальнейшем я не раз буду упоминать этих двух ярких личностей, они стали моими ближайшими соратниками и не раз доказали, что я не ошибся в своих первых впечатлениях.

– Два дня назад наш дом посетил Махмуд Бек глава крупного курдского клана, – начала свой рассказ Ануш. – Каждый год после сбора урожая он со своими телохранителями посещает все деревни нашей долины с целью получить дань за нашу защиту. Я плохо разбираюсь

во взаимоотношениях старост наших деревень с Махмуд Бек, если интересно, то об этом расскажет более подробно мой муж.

Бек, мужчина видный, ему чуть больше 35 и он любит одеваться ярко, броско и дорого. Как и все курды, имеет слабость ко всему блестящему, особенно к золоту и драгоценным камням. Одежда у него разноцветная из дорогих тканей – бархата и шелка, вся обшитая золотом; оружие его также разукрашено золотом и серебром. Его постоянно окружают более 20 охранников из числа его близких родственников. Он заядлый охотник и ездит верхом на красивом черном коне, который, как и его хозяин, весь засыпан серебром и блестящими камнями.

Ануш! – Левон смотрел на меня извиняющимся видом, мол – «Женщина – что с неё возьмешь. Вместо того, чтобы изложить суть, рассказывает никому ненужные подробности».

Мне эта пара нравилась всё больше и больше. Ануш придавала своему рассказу такую значимость, что мне захотелось послушать её рассказ с теми подробностями, которые мы мужчины редко замечаем.

– Продолжайте Ануш Ханум, мне интересны все подробности. Одежда и поведение человека говорят много о его личности, – отреагировал я на восклик Левона.

Ануш после замечания мужа замешкалась, но услышав моё одобрение, с чувством личного достоинства посмотрела на него и продолжила свой рассказ.

– Староста Андо встретил Бека и его свиту у ворот. После взаимного приветствия, трое охранников вошли с Бек в дом, а остальные расположились во дворе.

Во время обеда староста Андо и Махмуд Бек общались на разные темы, обсуждали лошадей, охоту, каким уважением пользуется Бек у Эрзурумского Вали, одним словом ничего интересного.

Присутствующие в палатке мужчины переглядывались между собой. Их доброжелательные улыбки подтверждали, что они по достоинству оценили, как ловко Ануш пропустила подробности того, где она находилась во время общения Махмуд Бека со старостой деревни, и как ей удалось подслушать их разговор.

Ануш довольно фыркнула, заметив понимающие улыбки присутствующих, и продолжила свой рассказ.

– После обеда Махмуд Бек перешёл к главному:

– У нас закончились запасы зерна, и наши пастухи несколько дней сидят без хлеба.

– Нашёл о чем беспокоиться, скажи, сколько нужно, и я завтра же вышлю пшеницу, – ответил свёкор, но особой радости я в его голосе не заметила, скорее наоборот.

– Я не сомневался в твоей щедрости уважаемый Андо, аллах милостив к тем, кто умеет делиться, – довольным тоном произнёс Махмуд Бек. – Ненавижу, когда эти разбойники свой грабёж оправдывают именем бога.

– Сколько зерна нужно послать? – спросил староста Андо. – Я видела, с каким трудом он скрывает свое недовольство.

– Отправь 20 возов, если будет недостаточно, я найду способ сообщить тебе, – Бек перешёл на повелительный тон. – Я тогда почувствовала, что он не собирается останавливаться, и сейчас потребует главное, ради чего этот жадный грабитель посетил наш дом.

Мне больно было смотреть на печально улыбающегося свёкра, я-то знала, какой труд вложен в наше добро, за которым пришли эти разбойники.

– У меня гостит посланник Эрзурумского Вали, мне нужно отправить нашему покровителю достойную благодарность, сам понимаешь, без этого никак.

Я удивилась, староста Андо решил притвориться, что ему намёк Бека не понятен.

– Видно, что ты с Вали на короткой ноге, даже его посланник у тебя гостит.

– Андо, мне нужны 200 золотых, и я уверен, что ты не позволишь своему другу опозориться перед столь высокопоставленным человеком, – Бек произнёс последнюю фразу как угрозу. – Откуда у бедного курда деньги? Этот презренный металл есть только у вас, армян.

Я стояла за стеной и наблюдала, как курды начали разыгрывать дешевый спектакль. Родственник, сидевший по левую руку от Бека, вмешался в разговор.

– Махмуд Бек, неужели и ты заботаешься о деньгах? Разве армяне, греки и прочие христиане позволят, чтобы ты в них нуждался?

– Аллах свидетель это верно, – прибавил другой.

– Старик мудрый и проживший долгую жизнь человек, – сделал явный намёк третий, – он же не просто так является старостой самой богатой деревни в округе?

Что оставалось моему несчастному свёкру? Желал он того или нет, но деньги ему придется выплатить, и он обратился к Беку:

– С твоего позволения я покину вас ненадолго, нужно посмотреть, чем смогу помочь тебе. – Я тихо плакала, разревелась бы, но нельзя было, курды могли обнаружить меня. Эти безбожники требовали от нашей семьи больше половины нашего годового дохода, а нам ещё предстояло платить государственную десятину.

Когда Староста Андо покинул гостевую комнату, курды начали разговаривать между собой на своем языке.

Я неплохо владею курдским, и от услышанного до сих пор не могу прийти в себя:

– Смотри, как осмелел этот гяур. Если он вернется без денег или принесет не всю сумму, этот день будет последним для него и для членов его семьи. – В голосе этого проклятого Бека была слышна не просто угроза. Он действительно был готов реализовать её. Всей округе известно о его непомерной жадности и беспощадности.

– Махмуд Бек не стоит торопиться, эти христиане как дойные коровы, нельзя их оставлять полностью без пропитания, а то доиться перестанут. Может мы запросили слишком много?

– Андо уже старый, глядишь, ненароком умрёт, и старостой этой богатой деревни станет его старший сын Левон. Я не раз замечал, каким волчьим взглядом он смотрит на меня. Щенок, он даже не знает, с кем ему предстоит бодаться в случае чего. Пора кончать с этой семейкой. Если старик не принесёт всю сумму, сегодня же займёмся этим, а коли проявит благоразумие, то шайтан с ним, пусть со своими выродками поживёт ещё несколько дней. Вы заметили, как похорошела его младшая дочь. Сегодня, когда я её увидел, у меня слюнки потекли. Я хочу её, и она должна быть моей!

Вам понятно, что я сказал? – рявкнул грозно этот ненасытный беспутник. Я-то хорошо знаю, какое количество наших красавиц стали жертвой его похоти.

– Махмуд Бек твоё слово для нас закон, мы на днях обязательно организуем её похищение, только позволь завершить исполнение твоего предыдущего приказа, караван, которого мы ждали так долго, на подходе, не стоит отвлекаться на эту соплячку, пока не завершим основное дело, – ответил родственник этого исчадия ада, сидящий по правую руку Бека.

– Так и быть, я уверен, что Левон постарается отомстить. Они думают, что для нас секрет его прошлое. Давно нужно было уничтожить этих двух друзей. Мы поступим хитро, уничтожим их семейства, как только эти два друга попытаются отомстить мне за похищение Анаит. Староста греческой деревни зря надеется, что я ему прощу после того, как он не доплатил мне сегодня 50 золотых. И перед Эрзурумским Вали не придётся оправдываться, как-никак, я скоро стану официальным должностным лицом, и творить беззаконие нужно строго соблюдая установленные законы.

Этот бессердечный подонок заржал так громко над собственным остроумием, что мне захотелось голыми руками наброситься на него. Но своевременное появления старосты Андо позволило мне взять себя в руки.

Он принёс всю запрашиваемую сумму, и курды довольные покинули наш дом, забыв даже поблагодарить за гостеприимство.

Ануш завершила свой рассказ, и пережив ещё раз вчерашние события она дрожала сидя на стуле. Я подумал, что она дрожит от страха, но она в очередной раз поразила меня.

– Ваше Высочество, Левон и Андреас пока не знают, что вы дали свое обещание помочь нашей семье. Умоляю вас, позвольте участвовать мне лично в предстоящей стычке с курдами, я не успокоюсь, пока своими руками не прикончу этого Махмуд Бека и всё его шакалье племя. – После этих слов Ануш встала со стула и, поклонившись, ждала моей реакции. Я тогда не видел выражение её черных глаз, но был уверен, они заполнены такой ненавистью и яростью, что, встретившись с ними, я бы не смог отказать ей, а это совершенно не входило в мои планы.

– Ануш Ханум, обещаю, что ты станешь свидетельницей смерти Махмуд Бека. Не забывай, ты старшая женщина в семье и от тебя зависит безопасность и благополучие остальных женщин и детей. Ты сейчас в сопровождении наших охранников поедешь в деревню и привезешь Анаит к нам в лагерь. Здесь ей будет намного безопаснее. А что касается охраны ваших семей, то обещаю, с вами ничего плохого не случится, они так же под моей защитой.

Олег Дмитриевич дайте соответствующее распоряжение, пусть старшим поедет штабс-капитан Шемякин с десятью охранниками. Удвойте наши дозоры, вокруг деревни. Попросите приготовить крепкий кофе, у меня такое предчувствие, что этой ночью нам не удастся поспать.

После того как Ануш в сопровождении майора Кириллова покинули палатку я обратился к Левону.

– И часто курды так беззастенчиво грабят местные деревни?

– Сколько я живу на этом свете, курды постоянно приходят, уносят и уносят все без конца; всего требуют без совести, без стыда, точно бог создал нас их кормильцами.

Я много раз предлагал отцу не давать им ничего, тогда они вынуждены будут сеять и потом добывать свой хлеб. Но он постоянно запрещает мне даже думать об этом. Получается, своей покорностью мы сами приучили их жить за наш счет, – ответил Левон, и в каждом высказанном им слове ощущалась неприкрытая ненависть к курдам.

– Ты можешь рассказать мне, чем объясняет твой отец собственную покорность. Человек он умный, прожил долгую жизнь, и мне хочется понять причины его смирения. – Мой вопрос не был следствием праздного любопытства, мне хотелось понять местных жителей, поскольку я собирался жить рядом с ними, и то, что я наблюдал за время моего пребывания в Османской Империи, не могло не настораживать. Я собирался опереться на местные христианские народы для достижения развала Оттоманской Порты, но опора оказалась слишком покорной и безвольной.

Левон не успел ответить на заданный вопрос, в палатку вошли майор Кириллов и слуга, принесший кофе. Кофе действительно оказался крепким, и его густой аромат распространился по палатке.

После небольшого перерыва, я предложил Левону ответить на мой вопрос.

– Ваше Высочество, сегодня утром у меня состоялся с отцом подробный разговор, во многом связанный с заданным вами вопросом. Я имею собственное мнение, но его я выскажу после того, как подробно изложу наш разговор с отцом. Я безмерно уважаю отца, и могу только присоединиться к данной вами оценке его мудрости, основанной на большом жизненном опыте.

По его словам, нам очень трудно уничтожить то, что установлено на наше несчастье нашими предками. Мы пожинаем горькие плоды, посеянные их трусостью и покорностью.

С вашего позволения я приведу наш разговор с отцом во всех подробностях, – обратился Левон ко мне.

Я кивком головы дал свое согласие, после чего он продолжил свой рассказ.

«Сын мой, я вижу, что в твоём сердце кипит ненависть к курдам и туркам, и понимаю твоё нежелание смириться с нашим рабским положением. Хочу спросить, что мы можем предпринять и какими средствами? Допустим, мы не станем исполнять их требования, и что после

этого случится? Они уничтожат всю нашу семью и разграбят всё то, что мы достигли собственным потом. Ты сам знаешь нам некому жаловаться. Те, которые призваны обеспечить законный порядок и наказывать грабителей, сами являются такими же грабителями, только более высокопоставленными. Все представители власти, начиная с вали и до последнего мюдир и каймака тем и заняты, что грабят несчастный простой народ. А что касается армян, греков и других христиан, то турки, курды черкесы считают, что, грабя нас, они заняты богоугодным делом. Власть держащие и их верные псы одним миром мазаны, их кроме собственной выгоды другое мало заботит. Ты сам знаешь, Махмуд Бек связан с Эрзурумским Вали, и делится с ним своими барышами от грабежей. Дошло до того, что Вали собирается назначить мюдиром этого злодея, наводнившего наш край кровью и слезами. От властей, как не было, так и не будет нам никакой защиты. К кому же нам обращаться с жалобой? К богу? Он нас давно не слышит, вероятно, мы сильно согрешили перед ним. Грешным делом, я думал, что на нас, армян, наложено божеское проклятие. Но получается, что такое же проклятие наложено на все христианские народы, поработанные османами. Может мы сами заслужили это проклятие? Посмотри на всех нас со стороны, и ты увидишь, что основной причиной наших бед являемся мы сами. Зависть, раздоры, ненависть, вражда укоренились в наших сердцах, и мы пожинаем плоды собственных пороков. Вот почему у нас нет единодушия и мало у кого хватает мужества, соединиться и противостоять нашим обидчикам!

– Отец, нас пятеро братьев, и достаточно было одного твоего знака, и мы вчера нашли бы способ справиться с Махмуд Бек и его охранниками, хоть их и было намного больше нас. После такого урока, в будущем курды не посмели бы вести себя так, как ведут сейчас.

– Мой лев, у тебя храброе и доброе сердце. Ты любишь своих братьев, и судишь о них по себе. Все вы мои сыновья и я люблю каждого из вас одинаково сильно. Но я не слепой, и вижу ваши достоинства и недостатки. Только ты и самый младший из твоих братьев, готовы не задумываясь встать на защиту нашей семьи. К сожалению, остальные трое моих сыновей предпочтут склонить голову и смириться, такова их природа и я не в силах её изменить. Если каким-то чудом нам и удалось бы убить Махмуд Бека и его охранников, то завтра же на нас напала бы целая орда курдов и сравняла бы наш дом с землей. Ответь мне, кто из армян, да хотя бы из наших близких родственников и друзей явится к нам на помощь? Никто! Но я уверен, что нашлись бы и такие, которые обрадовались бы нашему несчастью. Мы называем курдов дикими, тупыми и наивными, но у них не отнять их способность сплотиться и мстить за пролитую кровь их соплеменника. А у нашего народа, да и у остальных народов, исповедующих христианство, ты когда-нибудь видел такое единство? Всякий живёт своей жизнью, и заботится только о себе. Какое ему дело до других, если самому беда пока не грозит? Мы живем как бараны и ведем себя как стадо баранов! Не знаю, наступит ли такое время, когда большинство христиан поймут, что каждый существует для всех, а все для каждого. Есть небольшая надежда, что во главе этих баранов встанет сильный, справедливый и беспощадный к врагам лев. Но откуда ему взяться?

– Отец, мать моей жены утверждает, что русские, которые исповедуют христианство, способны сплотиться и защитить себя. Почему тогда мы сами не можем так же поступить.

– Не всё так просто сын мой, десятки миллионов тех же русских волочат рабское существование в османской империи, правда, они в основном были подданными Польского Королевства. А что касается Московского Царства, так они живут в таких суровых и малопригодных для нормальной жизни условиях, что сама природа позаботилась о формировании у них более сильного характера, и они живут сплоченно и понимают, что смогут выжить, только заботясь, и защищая друг друга. Вот почему османам до сих пор не удается их завоевать. Но ходят упорные слухи, что новая война с Московским Царством не за горами. Будет жаль, если в этой войне победят османы, а для этого у них имеются веские причины и неплохие возможности.

Так и до сих пор не ясно, жив ли их наследник престола, надежда русского народа. Нам бы такого льва, во главе наших разобщенных христианских народов».

Левон закончил свой рассказ и впервые за наше недолгое общение осмелился прямо смотреть в мои глаза. Мне в очередной раз напомнили, что я являюсь Великим Князем Владимиром и должен вести себя соответственно. Знало бы всё моё окружение, как мне тяжело было тогда соответствовать их ожиданиям.

– Ваше Высочество, позвольте высказать своё мнение, – неожиданно обратился ко мне Андреас.

Он смотрел на меня уверенно, и с чувством собственного достоинства. Ему удивительным образом удалось передать в произнесенном обращении сочетание самоуважения и почтительного отношения ко мне.

Я кивком головы разрешил ему высказаться, при этом понимая, что от моих дальнейших конкретных решений и действий зависит, станут ли эти два храбрых представителя своих народов, моими преданными соратниками или нет.

– Мудрость старосты Андо всегда вызывала у меня огромное уважение, – произнося эти слова, Андреас посмотрел на своего друга. – Он нигде не учился и книг не читал, но жизненный опыт научил его многому. Его природный ум развился в водовороте жизни, и с опытом к нему пришла мудрость, и перед ним раскрылись истины, которые доступны лишь немногим людям, глубоко понимающим, как устроена реальная жизнь на нашей грешной земле. Мне трудно осознать справедливость сравнения наших народов со стадом разобщенных баранов, но высказанные обоснования старостой Андо не оставляют место для моих сомнений. У меня и у моего друга Левона имеется свой собственный опыт поиска справедливости. Мы понимаем, что её нужно добиваться с помощью силы, но к нашему огромному разочарованию, наш личный опыт борьбы пока является чередой поражений. Мы участвовали в национально-освободительных движениях, принимали участие в нескольких восстаниях, но каждый раз терпели поражение, и теряли верных друзей, беззаветно преданных нашей борьбе. Чаще всего причиной наших поражений было отсутствие сильных лидеров, и не редко простое предательство. После многократных неудач и бесполезной потери наших многочисленных друзей, мы разочаровались, и приняли решение вернуться домой, к своим семьям. Левону повезло, его отец понял и принял обратно в семью. Я к сожалению, не нашел понимания у своего отца и был вынужден жить отдельной жизнью. Староста Андо помог мне деньгами, и я начал заниматься контрабандными поставками и торговлей. Не буду хвастать, но в этом деле я являюсь одним из лучших. Я знаю, что вы ищите проводника контрабандиста и буду рад служить Вашему Высочеству. Но это потом, а пока я и мой друг готовы на всё, чтобы спасти наши семьи. Мы знаем цену верности и преданности. Если будет необходимость, не задумываясь, пожертвуем собственными жизнями, но не допустим тени сомнения в нашу порядочность, верность и искреннюю благодарность за то, что в трудную минуту вы протянули нам руку помощи.

После этих слов Андреас и Левон встали со своих мест, подошли ко мне, поклонились в пояс, и Левон произнёс.

– Приказывайте Ваше Высочество, мы готовы служить вам до нашего последнего вздоха.

– Я бы не хотел, чтобы ваша служба мне была благодарностью за нашу помощь. Но об этом мы поговорим позже. Предупреждаю сразу, после того как мы решим проблему защиты ваших семей, вы будите вольны поступать как вам заблагорассудится, но до этого момента вы обязаны неукоснительно исполнять все приказы, исходящие от моих офицеров. Думаю, нет необходимости объяснять, что дисциплина является неотъемлемой частью армейской службы, и считайте, что временно призваны в русскую армию. Если у вас имеются возражения, то мы вынуждены будем отказаться от ваших услуг, но это не значит, что мы не выполним своё обещание по спасению ваших семейств. – Мои условия удивили этих двух неординарных 30 летних мужчин. Я вынужден был так поступить, поскольку ежедневно выслу-

шивал от майора Кириллова, что приучить к дисциплине наших охранников, это почти безнадежное дело. До них так и не доходило, что подчинение и дисциплина, особенно самодисциплина, это совершенно разные понятия. Нам трудно было понять, за столь короткий срок нашего пребывания в империи, образ мыслей и основной мотив действий местных жителей. Слишком большими были различия между нами, и ещё предстояло узнать и понять друг друга.

Наш разговор был прерван лаем сторожевых псов, след за которым послышались ржание лошадей и голоса прибывших.

Через пару минут слуга вошёл в палатку и тихо что-то доложил майору Кириллову. После ухода слуги майор подошёл ко мне и так же тихо доложил мне на русском, что вернулась часть группы унтер-офицера Петрова с важными сведениями, и с собой они привезли нескольких раненых. Заметив мою обеспокоенность, Олег Дмитриевич поспешил успокоить меня и сообщил, что раненые не из числа наших, а купцы, чей караван подвергся нападению курдов. Он так же сообщил, что унтер-офицер Петров с двумя местными проводниками продолжают сбор информации, и они придут через пару часов, а Спиридонов и Сухомлин привезли трех раненых.

– Майор выясните состояние раненых и возвращайтесь со Спиридоновым и Сухомлиным, да ещё уточните, вернулись ли штабс-капитан Шемякин и Ануш Ханум.

Услышав имя своей жены, Левон забеспокоился и с трудом сдерживал себя, чтобы задать мне вопрос.

– Не беспокойся, у нас нет плохих новостей о твоей жене. Я поручил майору выяснить, не прибыли ли они в лагерь, прошёл час, и пора бы им вернуться с Анаит.

– Ваше Высочество, мы согласны на ваши условия, хоть и не имеем представления, что такое воинская дисциплина. Мы готовы прямо сейчас вступить на службу к вам, и не только в знак благодарности за защиту наших семей, но как вы сказали, об этом поговорим потом, – обратился ко мне Андреас. Его слова были искренны, и он с трудом сдерживал себя, чтобы рассказать мне о наблевшем. А судя по биографии двух друзей, можно было предположить, что они успели пройти через огонь и воду, и испытали горечь многочисленных поражений.

– Мне нравится, что вы понимаете, по какой причине я не желаю вашей службы мне, основанной только на благодарности. Мы пока не определились со своими действиями против Махмуд Бека, но думаю, скоро будет достаточно информации, и мы поймем, как нужно действовать дальше, – ответил я доброжелательно на обращение Андреаса.

В палатку вошли майор Кириллов, Спиридонов и ефрейтор Сухомлин.

– Курды напали на крупный караван персидских купцов, – начал доклад Олег Дмитриевич.

– Говорите на тюркском языке, наши друзья приняли решение служить в нашем отряде. Не вижу смысла держать их в неведении, – обратился я к майору.

– Разведывательная группа унтер-офицера Петрова, вышла на след курдских разбойников и стала свидетелем их нападения на крупный торговый караван персидских купцов. Более подробно об этом доложит Афанасий Спиридонов.

Нашей группе удалось спасти трёх купцов, двое из которых в тяжёлом состоянии, по словам доктора у третьего купца не имеется опасных повреждений. После обработки небольших ран и ссадин, и перевязки, он будет в состоянии рассказать о случившемся. – Произношение майора Кириллова и построение фраз на тюркском языке, вызвали непроизвольную улыбку у Левона и Андреаса. Майор, заметив их реакцию, обратился к ним. – Я посмотрю, как вы будите говорить на русском языке через несколько месяцев. Только при хорошем владении русского языка у вас появится шанс принять присягу и стать подданным Его Высочества.

Улыбки мгновенно исчезли с лиц Левона и Андреаса.

– Афанасий расскажи всё что знаешь, – обратился я к своему помощнику по коммерческим вопросам Спиридонову.

– После получения сообщения о нападении на наш караван, наша группа выехала на место нападения. По следам унтер-офицер Петров определил, что в нападении участвовали 10 курдских всадников. По его словам, разбойный налёт был случайным, т.е. неподготовленным. Наш караван просто подвернулся под руку курдам, и они подумали, что 10 вооружённых всадников легко одолеют четырех возчиков и одного приказчика. Наши, заметив курдов, сформировали круговую баррикаду из повозок, как мы их учили, и начали стрелять по ним из имеющегося оружия. По рассказу приказчика, они смогли ранить или убить трех курдов, во время их приближения к каравану, но потери тех не остановили, а наоборот разозлили. Я не знаю подробности дальнейшей схватки, но скорее всего, после того как обе стороны разрядили своё огнестрельное оружие в дело пошли пики и прочее холодное оружие. Приказчик был вооружен револьвером армейского образца, и ему удалось ранить или убить ещё трех курдов, но те постарались не остаться в долгу, один из наших погиб, двое получили тяжелые ранения, а у четвёртого имеются несколько неопасных ран от холодного оружия. Потеряв убитыми и ранеными 6 человек, курды отступили, тем более, что приказчику удалось перезарядить револьвер, и открыть огонь по ним.

– Откуда у приказчика револьвер, я что-то не помню, что мы закупали новое оружие и тем более револьверы.

– Ваше Высочество, я на днях, после того как прибыло заказанное оборудование для оружейной мастерской, смог восстановить 10 револьверов армейского образца. Надолго их не хватит, но по 100—200 выстрелов из них вполне можно произвести. По приказу майора Кириллова, восстановленными револьверами были вооружены по одному человеку в каждом бродячем караване, и они доставались тем, у кого имелись успехи по стрелковой подготовке. В этом караване револьвер достался приказчику, и только благодаря этому, курдам не удалось убить всех, а сами отступили, понеся серьёзные потери, – ответил ефрейтор Сухомлин. Вид у него был довольный. Он радовался, что сумел настоять на приобретении оборудования для своей мастерской, и отремонтированное им оружие спасло жизнь людей.

– А остальные револьверы возможно починить?

– У нас нет необходимых запчастей, а, чтобы изготовить самому, нужны кузница и несколько станков, – ответил Сухомлин.

– Ефстафий Никодимович, при наличии всего этого, сможете сами организовать полный ремонт всего нашего вооружения.

– Нужны будут толковые помощники, тогда смогу. Можно даже организовать производство самих револьверов, но для этого нужны специалисты по металлу и металлургическое производство. – Сухомлин ненадолго задумался и продолжил. – Ваше Высочество, у нас имеются проблемы с патронами, как для револьверов, так и для винтовок. Патроны таких калибров здесь дефицитны, нужно организовать их производство или менять всё наше вооружение.

– Вот сами с майором Кирилловым и подумайте, что выгоднее, и я жду от вас конкретные предложения через неделю, при этом учтите, что наши люди должны быть вооружены и обеспечены боеприпасами уже сейчас, и не нужно забывать о расходе боеприпасов для стрелковой подготовки.

Афанасий расскажи, что случилось дальше и как вы вышли на след курдских разбойников.

– При отступлении курды особенно и не старались скрыть свои следы, а учитывая, что у них имелись убитые и раненые, передвигались они медленно с многочисленными остановками. По их следам мы вышли на крупный отряд курдов из 100 всадников. Они скрывались в горах и следили за дорогой, по которой передвигаются торговые караваны в Персию. После того, как мы их обнаружили, не прошло и часа, как на дороге появился крупный торговый караван, состоящий из 25 повозок. Мы стали свидетелями, как курды напали на караван. Началась резня, в прямом смысле этого слова. Курды не щадили никого, было видно, что им живые

свидетели этого разбоя не нужны. Всё завершилось довольно быстро. Курды забросили тела убитых в повозки, и повели караван по горной тропе. Через час они выбросили тела убитых купцов и возчиков в глубокое ущелье и продолжили свой путь.

Унтер-офицер Петров приказал нам проверить, может кто-то из брошенных в ущелье остался в живых, а сам вместе с двумя местными проводниками продолжил преследование курдов. По словам одного из проводников, горная тропа, по которой продолжали двигаться курды скоро должна была вывести на дорогу, ведущую в пещеры, куда, скорее всего и направляются курды, чтобы спрятать награбленное. Унтер-офицер Петров распорядился, чтобы мы после проверки ущелья вернулись в лагерь, не дожидаясь наступления темноты, и предположил, что он с проводниками вернётся через два-три часа.

В ущелье мы обнаружили 45 тел, и довольно долго искали среди них выживших. Троим повезло, они подавали признаки жизни. Мы с помощью канатов подняли раненых из ущелья, и погрузив их на наших лошадей, вернулись в лагерь. По дороге один из раненых пришёл в себя. Оказалось, он во время нападения получил удар по голове чем-то тяжёлым и потерял сознание. Ему повезло, его бросили в ущелье в числе последних, и он упал на тела погибших и не разбился. По дороге он рассказал, что является богатым купцом из Персии и хозяином каравана. Вот и всё, что мы знаем Ваше Высочество, – завершил свой рассказ Спиридонов.

– Ваше Высочество позвольте задать вопрос разведчикам, – обратился ко мне Андреас. Я жестом руки дал согласие.

– Скажите, вы случайно не запомнили имя купца, которого спасли.

– Он представился как Амир-Али из Тебриза, – без задержки ответил Афанасий Спиридонов, продемонстрировав в очередной раз свою отличную память.

– Ваше Высочество, если я не ошибаюсь, то речь идёт об одном из богатейших купцов Персии, это имя известно каждому контрабандисту. Он очень влиятельный человек в Персии, является поставщиком двора Насреддин Шаха из династии Каджар, и в близких отношениях с наследником престола Мозафереддин Мирзой генерал-губернатором провинции Азербайджан, – Андреас с трудом сдерживал возбуждение. – Если я не ошибаюсь, то нам улыбнулась большая удача и для организации торговли с Персией трудно найти более влиятельного и полезного партнёра, чем Амир-Али.

– Очень надеюсь, что ты не ошибаешься Андреас, и мне приятно, что уже ассоциируешь себя с нами, не дожидаясь доказательств реальной помощи вашим семьям.

– Ваше имя уже является доказательством, и его мне вполне достаточно, как и моему другу, – уважительно ответил Андреас.

– Пока ждем возвращения унтер-офицера Петрова, обсудим, какими силами мы располагаем. Капитан Александровский, сколько у нас вооруженных людей и можем ли мы на них рассчитывать.

– Ваше Высочество число охранников не превышает сто человек. Парни там шустрые и довольно дерзкие, о дисциплине не имеют малейшего понятия, но пока проблемы с их послушанием не возникали. Считаю, что на них можно рассчитывать, они сами заинтересованы наказать курдов за сегодняшнее нападение на наш караван. На них можно положиться, но только в вопросах связанных с наказанием курдов, а так, я бы не рассчитывал на их лояльность по отношению к нам. Они считают нас турками и ненавидят так же как курдов. Стрелковая подготовка у них на среднем уровне, но есть и меткие стрелки. Все они вооружены нашими армейскими винтовками и саблями, и каждый обеспечен лошадью. Ещё 120 человек из числа возчиков и приказчиков постоянно проходят стрелковую подготовку. Треть из них стреляют не плохо, а остальным ещё предстоит долгая подготовка. Они вооружены винтовками и пиками. Я бы не рассчитывал на большинство из них, парни они не трусливые, но боевыми навыками практически не владеют, да и времени на их подготовку у нас был всего месяц. Ну про семерых русских во главе с вами думаю нет смысла рассказывать. В целом мы можем

реально рассчитывать на 130—140 человек вместе с нами. По вашему приказу, мы вернули в лагерь все наши караваны и все возчики, охранники и приказчики так же находятся в лагере.

– Не густо! Андрей Фёдорович соберите всех работников и объявите, что мы собираемся наказать курдов за нападение на наш караван. Если имеются добровольцы из числа возчиков и приказчиков, то мы задействуем их в предстоящих боевых действиях. Остальные могут идти по своим домам, и предупредите, что никто из них не будет уволен. Думаю, для проверки охранников, стоит предложить им то же самое, но потом с теми из них, кто решил уклониться, придётся расстаться. Нам не нужны трусы, охраняющие наших работников. Приступайте прямо сейчас, нужно понять, какими силами мы обладаем, на основании этого и будем планировать, как воевать с курдами.

– Слушаюсь Ваше Высочество, – по-военному ответил капитан Александровский, поднявшись с места и приняв положение смиренно. – Разрешите приступить к исполнению приказа?

– Приступайте!

– Разрешите обратиться Ваше Высочество? – Неожиданно обратился так же по-военному Левон, неловко копируя капитана Александровского.

– Обращайтесь!

– Ваше Высочество я и Андреас неплохо знаем многих охранников, возчиков и приказчиков, разрешите присоединиться к капитану Александровскому, мы сможем помочь подобрать наиболее пригодных для боевых действий работников. – Левон и Андреас внимательно изучали капитана, для них было большой неожиданностью, что Ахмет Ага оказался русским офицером.

– Присоединитесь, через час жду подробного доклада капитан.

– Разрешите идти, хором произнесли все трое. Было довольно смешно смотреть с каким старанием Левон и Андреас старались соответствовать военнослужащим русской армии, эти парни мне нравились всё больше и больше.

В течение часа вернулись в лагерь штабс-капитан Шемякин с Ануш Ханум и Анаит, и унтер-офицер со своей группой.

В моей палатке было не протолкнуться, кроме нас 8 русских присутствовали так же Левон, Андреас и Ануш Ханум. Последнюю пригласили, чтобы она выполняла роль переводчика. Нам предстояло определиться с планом наших боевых действий против курдов, но прежде нужно было послушать доклад нашего разведчика и доклад капитана Александровского. Я решил, что заставлять всех общаться на тюркском языке не имеет смысла, мы собрались на военный совет, и нужно было сконцентрироваться соответственно. Но отказаться выслушать мнение местных не хотелось. Они намного лучше знают здешние реалии и смогут вовремя подсказать на недочёты нашего плана.

– Унтер-офицер Петров доложите, что вам удалось выяснить. Про нападение курдов на наш караван и на караван персидского купца мы уже знаем, если нечего добавить, то докладывайте то, что нам пока не известно.

– Мы проследили за курдами до пещеры, о наличии которой меня предупредили проводники. По их словам, последние два года, доступ к этой пещере для жителей близлежащих населённых пунктов под полным запретом, по приказу Махмуд Бека. Проследив за курдами, мы заметили неплохо замаскированный пост охраны, который находился приблизительно на удалении 1,5 верст от входа в пещеру. Я оставил проводников в безопасном месте, и дальнейшую разведку осуществлял один. Мне удалось незаметно пробраться достаточно близко к входу пещеры. Первое что я заметил, это хорошо продуманная охрана как подходов к пещере, так и самого входа. Я обнаружил ещё 4 выдвинутых поста, и неплохо оборудованный пост прямо у входа в пещеру. В выдвинутых постах постоянно дежурят по три курда, а у входа за прикрытием я насчитал десятерых курдов. Рядом с входом установлена палатка, где отдыхают остальные курды, задействованные в охране пещеры. Я насчитал всего 60 курдов, охраняющих

пещеру. Прибывшие курды задействовали их всех в разгрузке купеческих повозок, и мне удалось посчитать точное количество охранников. Не было времени проследить, с каким интервалом осуществляется смена охраны, но я оставил там проводников, и свои часы. Они после того, как определяют время очередной смены, сразу же вернуться в лагерь. Перед моим отъездом оттуда, как раз произошла очередная смена.

После разгрузки и размещения в пещере разграбленного, повозки и курды, принимающие участие в нападении, отправились в сторону лагеря Махмуд Бека. Его местоположение для нас не секрет, и я решил вернуться и доложить всё, что успел разведать. А что касается самого лагеря Махмуд Бека, то информацию о нём я собрал заблаговременно по вашему приказу. В последний раз я наведывался в тех краях 3 дня назад, проводил обучение самых толковых охранников, готовлю из них полноценное разведывательное подразделение. По последним данным в этом лагере имеются под ружьем 400 курдов, которые, как правило, собираются в лагере поближе к ночи. Ещё имеются больше сотни пастухов и прочих работников. Бека постоянно охраняют 20 хорошо вооруженных охранников. Лагерь расположен посреди богатых пастбищ, где пасутся десятки тысяч баранов, табуны лошадей и несколько тысяч голов крупнорогатого скота.

В целом у меня всё Ваше Высочество, – завершил доклад унтер-офицер Петров.

– Разрешите задать вопрос Ваше Высочество, – обратился ко мне штабс-капитан Шемякин. – Получив моё согласие, он продолжил. – Семён Порфирьевич, насколько сильно защищен вход в пещеру, можно ли незаметно подобраться ночью и ликвидировать охрану.

– Выдвинутые посты можно таким образом ликвидировать, а к посту у входа в пещеру вряд ли удастся приблизиться бесшумно. Местность там каменистая, и у меня имеется подозрение, что курды специально обсыпали всю территорию мелкими камнями. Днем-то можно пройти бесшумно, но остаться незаметным невозможно. Вся местность хорошо просматривается из-за укрытий. Я подумал, что имеется возможность на веревках спуститься с верхушки горы, где расположена пещера, но вместе с курдами вход в пещеру охраняют 5 сторожевых псов.

Овладеть входом в пещеру можно только в результате лобовой атаки. Количество жертв будет слишком большим. Вот если бы у нас была горная лёгкая пушка, то можно было бы разнести все их укрытия. А дальше, издалека, прицельным винтовочным огнем уничтожить выживших охранников и отдыхающую смену в палатке.

– А если гранатами закидать? – спросил ефрейтор Сухомлин.

– Хорошая идея, – отреагировал одобрительно Петров. – На дистанцию 20—25 шагов можно ночью подползти незаметно и бесшумно, правда, собаки могут учуять. Но это не столь важно, охранникам не удастся стрелять прицельно ночью, а пока сообразят осветить территорию, успеем закидать их гранатами. Но откуда мы возьмём гранаты, нам бы наши армейские...

– У меня имеется всё необходимое для изготовления нескольких десятков гранат. Правда фитильных, и в мягкой оболочке, но и такие способны нанести значительный ущерб противнику.

– Ефстафий Никодимович, какое конкретное количество гранат, и за какое время вы способны смастерить.

– Твёрдое полотно для пороховых мин имеется, да и пороха достаточно, остается настрругать поражающие элементы из толстой жести. Инструмент имеется в наличии, жестяной лист тоже, думаю, за пару часов штук 100 гранат изготовим, при наличии помощников.

– Насыпьте больше пороха, главное оглушить и контузить курдов, а пока они будут приходить в сознание, успеем их добить, – порекомендовал Петров.

– Но что нам даст захват пещеры, если только всё там уничтожить и убратъся по-быстрому. С нашими силами воевать с 400 хорошо вооруженными профессиональными убийцами нет никакого смысла, зря только людей загубим. Защищать пещеру от курдов вряд ли удастся, а вывозить всё, что там спрятано, не успеем. Люди Махмуд Бека быстро нас догонят. Как я

понимаю, пещера расположена недалеко от основного лагеря курдов? Семён Порфирьевич, имеется ли возможность ночью незаметно напасть на основной лагерь курдов?

– Незаметно, точно невозможно, Ваше Высочество. Лагерь охраняют несколько десятков сторожевых псов, – не задумываясь, ответил Петров.

– Какие будут предложения господина? – обратился я к присутствующим.

Неожиданно для присутствующих слово попросил Левон.

– Ваше Высочество я хорошо знаком с этой пещерой и её окрестностями. В детстве мы целыми днями пропадали в этих местах. Нормальная дорога к пещере только одна, а все остальные тропы не приспособлены для прохода лошадей или всадников. Единственная дорога проходит через глубокое и узкое ущелье. От входа в ущелье до пещеры приблизительно 1,5 тысячи шагов. Если заманить основные силы курдов в это ущелье и после этого организовать непроходимый каменный завал на входе, то курды окажутся в ловушке. Можно будет прицельным огнём их уничтожить, заняв позиций у входа, и сверху ущелья, с двух сторон, там высота от 50 до 100 шагов. Курды окажутся в узкой полосе верхом на лошадях. Как я понял, имеется возможность изготовить гранаты, так это просто великолепно, лошади от взрывов запаникуют, начнётся давка и для стрелков работы убавиться.

Во время восстаний мы не раз устраивали похожие ловушки для турок.

– Лучше обойтись без гранат, там же сотни лошадей могут пострадать.

– Олег Дмитриевич! – я сам удивился собственному рыку.

Майор Кириллов понял, что высказался совершенно невпопад и извинился.

После мы выслушали и обсудили доклад Капитана Александровского о количестве бойцов, согласившихся добровольно принять участие в наказании курдов.

В течение получаса мы уточнили детали предстоящих двух боевых операции, я назначил командиров и ответственных.

После военного совета наш лагерь превратился в огромный муравейник, началась подготовка к выезду.

Сразу же на место предстоящих боевых действий, для рекогносцировки выехал штабс-капитан Шемякин, в сопровождении Левона и отряда из 10 охранников. Для быстрой передачи нам информации отряд Шемякина взял с собой двух запасных коней, чтобы при необходимости успеть сообщить нам информацию от штабс-капитана, это касалось количества пороха, вернее пороховых мин, изготавливаемых в мастерского ефрейтора Сухомлина. Я на всякий случай распределился изготовить в срочном порядке пару сотен гранат, а старшей над помощниками ефрейтора Сухомлина назначил Ануш Ханум. Я не понаслышке знал, на что способны властные и хорошо организованные женщины, а Ануш полностью соответствовала этим определениям. Ефрейтор Сухомлин был занят изготовлением пороховых мин и проверял готовые гранаты. Как только я заходил в его палатку-мастерскую, для проверки состояние дел, то приходилось выслушивать его жалобы, вернее ворчание, что все его запасы пороха, фитиля, и чего-то там ещё заканчиваются.

К четырем часа утра из нашего лагеря выехали 120 вооруженных всадников, пять тележек с 50 стрелками, загруженные так же 200 гранатами и 30 пороховыми минами, и экипаж доктора Пирогова. На охрану лагеря остались 30 вооруженных винтовками возчиков во главе с ефрейтором Сухомлиным.

За четыре часа нам удалось завершить подготовку. Штабс-капитан Шемякин отправил гонца с уточнением количества пороховых мин. Я не ошибся, Ануш Ханум смогла организовать работу по изготовлению мин и гранат настолько эффективно, что Левон ходил по лагерю, гордо выпячивая грудь. Удивительно гармоничная и редкая пара. Две сильные личности, непонятно как, но умудрялись не только ужиться вместе, но дополнять друг друга. Раньше я не верил в любовь, но стал свидетелем того, на что она способна.

Андреас и Левон оказались просто незаменимыми. Как потом мне рассказал капитан Александровский, увидев рядом с ним этих двух молодцов, охранники преобразились. Оказалось, два друга имели в округе непререкаемый авторитет, и достаточно было их присутствия рядом с Ахмет Агой, чтобы охранники выполняли его приказы незамедлительно. А когда они узнали, что в число добровольцев в команду унтер-офицера Петрова, которого они называли Симон Чауш, входят Андреас и Левон, так все изъявили желание стать добровольцами. Но их число было ограничено десятью бойцами, способные из положения лёжа, прицельно забросить гранату весом 1 фунт на дальнейшее расстояние.

В задачу команды Симона Чауша входило уничтожение курдов, охраняющих вход в пещеру, и тех, кто отдыхал в палатке, расположенной там же. Они должны были незаметно, минуя выдвинутые посты, подползти на 20—25 шагов к позициям охраны входа пещеры, и забросить по две фитильные гранаты каждый. После взрывов гранат, бойцы отряда должны были бегом преодолеть расстояние до позиции курдов, и беглым револьверным огнем уничтожить оставшихся в живых. Бойцов вооружили отремонтированными револьверами армейского образца, предварительно отобрав их у возчиков и приказчиков, а Симон Чауш был вооружен двумя Кольтами 45-ого калибра.

Мой отряд прибыл на место в пять часов утра. Было ещё темно, до рассвета оставалось больше часа. Бойцы отряда Симона Чауша к нашему прибытию благополучно уничтожили курдов самого дальнего дозора, контролирующего вход в ущелье. Я возглавлял отряд, в задачу которого входило организация непроходимого завала у входа в ущелье, через которое проходила единственная дорога к пещере. Нам так же нужно было обеспечить защиту входа в ущелье от курдов. В отряд входили 30 охранников, вооруженных винтовками и саблями, штабс-капитан Шемякин и 4 его помощника. Под защитой нашего отряда был так же медицинский экипаж, который мы спрятали в 100 шагах от входа в ущелье за холмом. Вместе с доктором Пироговым в экипаже была Ануш Ханум, которая настояла на своем, и теперь числилась в сёстрах милосердия. Я и до этого не отличался особой стойкостью в отношениях с женщинами, постоянно исполняя их капризы. Женщины, почувствовав в мужчине этот изъян, всегда легко добиваются своего. Вот почему в прошлой жизни я не был женат, знал, что являюсь потенциальным подкаблучником.

Для непосредственной охраны медицинского пункта я выделил группу из четырёх бойцов во главе с Афанасием Спиридоновым.

Были сформированы ещё три отряда возглавляемые майором Кирилловым, капитаном Александровским и Андреасом.

Отряд Андреаса, с численностью 30 человек, после того как отряд Симона Чауша уничтожит курдов, охраняющих вход в пещеру, должен был занять бывшие позиции курдской охраны и не дать возможности курдам, прибывшим из лагеря Махмуд Бека, прорваться в пещеру. По сути, они должны были присоединиться к отряду Симона Чауша. У них была самая сложная задача, удержать натиск заблокированных в ущелье несколько сот курдов, которые от безысходности обязательно попытаются спастись в пещере. В этот отряд были набраны самые меткие стрелки и их снабдили 50 гранатами. Участок был самым сложным и опасным, и вызывал у меня большое беспокойство.

Отряды Александровского и Кириллова должны были занять позиции сверху ущелья, по всей её протяженности, с обеих сторон. В их задачу входило, с расстояния 50—100 шагов, уничтожать курдов гранатами и огнём из винтовок.

Штабс-капитан Шемякин со своими помощниками устанавливал пороховые мины. В результате направленного взрыва часть горной породы должна была расколоться и закрыть проход в ущелье. Я не сомневался в профессионализме Шемякина, меня беспокоило другое, когда нужно осуществить подрыв. Было бы идеально, если бы нам удалось заманить всех при-

бывших курдов в ущелье и после этого организовать непреодолимый завал, но я не особо верю в везение, и мой отряд должен был противостоять тем курдам, кто не успеет войти в ущелье.

Ровно в пять часов мы услышали звуки пары десятков взрывов и револьверные выстрелы. Раздались ещё четыре взрыва и выстрелы из винтовок. Мы решили уничтожить выдвинутые посты охраны после нападения на основной пост у входа в пещеру. Подготовленных разведчиков у нас не было, и вероятность того, что удастся бесшумно обезвредить выдвинутые вперёд 4 поста охраны, была мизерная. А вот раскидать гранатой и после добить винтовочным огнём оставшихся в живых курдов, наши бойцы вполне были способны, что и случилось. Взрывы и выстрелы прекратились через 2—3 минуты. Я напряженно стал следить за выходом из ущелья. Согласно нашему плану, на этом этапе должен был действовать только отряд Петрова. В их задачу входило, дать возможность нескольким курдам сбежать, и дойти до основного лагеря Махмуд Бека. Нужно было создать у спасающихся курдов впечатление, что на пещеру напал небольшой отряд, вооруженный револьверами и гранатами.

Через 15—20 минут из ущелья вышел один курд, и через пару минут ещё двое. Все они бегом направились в сторону лагеря Махмуд Бека. У нас было приблизительно два часа времени, чтобы обустроить свои позиции и подготовиться встретить основные силы курдов, стремившихся спасти сокровища Махмуд Бека.

Курды удивили своей оперативностью, через 1,5 часа мы услышали топот нескольких сот лошадей. После восхода солнца видимость была отличная, и я успел насчитать около 300 всадников, на бешеной скорости направляющихся в нашу сторону. Впереди выделялся всадник на красивом черном скакуне, от него и от его коня исходили многочисленные блики от попадания солнечных лучей, было ясно, что это Махмуд Бек. Видать, от боязни потерять свое богатство, у него помутнение рассудка произошло. Без предварительной разведки на огромной скорости весь его отряд ворвался в ущелье. Я долго не думал и подал условный сигнал на взрыв. Через 30 секунд прозвучал взрыв, и крупные куски горной породы полностью закрыли вход в пещеру. Штабс-капитан Шемякин перестарался. Осмотрев результаты его стараний, я представил, как трудно будет потом освободить проход в ущелье.

Меня в этот момент больше беспокоило другое. К нам пожаловали всего 300 курдов, значит ещё 100, не попали в нашу ловушку.

В ущелье были слышны взрывы гранат, выстрелы и ржание лошадей. Члены моего отряда с непониманием смотрели на меня. Им хотелось идти на помощь к другим отрядам и добывать курдов, попавших в ловушку.

Внимательно осмотрев при дневном свете всю окрестность, я старался определить новые позиции для бойцов моего отряда. Не трудно было догадаться, что рано или поздно оставшиеся курды пожалуют к нам в гости.

– Само! – позвал я к себе старшего охранника. В отряде он был моим заместителем. Не знаю, что им сказали Андреас и Левон, но после их появления в наших рядах, все охранники исполняли исходящие от моих офицеров приказы незамедлительно, не задавая ненужные вопросы и не высказывая своё мнение, чем постоянно грешили до этого.

– Слушаю вас Беркер Бей! – доложился Само, выравнивая дыхание после бега.

Рядом со мной стоял так же штабс-капитан Шемякин. Я посмотрел внимательно на своих помощников, мысленно собрался и стал строить из себя полководца.

– Порядка 100 курдов не прибыли с основными силами. Скорее всего, они патрулируют дорогу, но услышав взрывы, обязательно придут на помощь к своему Беку. У нас мало времени и нужно организовать встречу, но прежде, необходимо отправить гонца к медицинскому экипажу. Пусть оставят экипаж там, где он находится, а сами направляются к нам. Мы не сможем своевременно оказать им помощь, если курды случайно обнаружат их. Так же нужно отправить двух гонцов в отряды Ахмета Аги и Олега Чауша (майора Кириллова). Необходимо

предупредить, что мы ожидаем нападение 100 курдов. Пусть после того, как они завершат уничтожение курдов, попавших в ловушку, отправляются к нам на помощь.

Само, ты и 9 самых метких стрелков, из числа охранников, займите позицию вон на том холме. Ваша задача меткой стрельбой с дистанции 100 шагов уничтожать курдов. Не спешите, стреляйте только наверняка, на этом участке курдам негде прятаться. Если они решатся атаковать ваши позиции, не паникуйте, просто продолжайте стрелять и забрасывать их гранатами. На лошадях они не смогут преодолеть вашу высоту, а если решат спешиться, всё равно будут хорошими мишенями для уничтожения. Много гранат твоей группе не смогу выделить только пару штук.

Остальные 10 гранат мы разделим между моей группой, которая займёт позицию на вершине вон той скалы, и двумя группами по пять человек. Эти пятёрки останутся на наших нынешних позициях, охранять вход в ущелье. Первой группой будет командовать Искандер Чауш (штабс-капитан Шемякин) а второй Афан Ага (Афанасий Спиридонов), которого я сразу же отправлю к группе, как только он вернётся. Каждой группе я выделю по 2 гранаты, а моей группе оставлю 6. Позиция там слишком удобная, для внезапной атаки гранатами, скала стоит в непосредственной близости от дороги.

Если курды решатся атаковать скалу, то прицельный огонь с остальных трех позиций, им серьёзно навредит. Дистанция между нашими позициями в пределах 100—120 шагов. Позиции расположены так, чтобы имела возможность прикрывать друг друга огнём, при нападении курдов на любую из них.

– Беркер Бей, а кто войдёт в состав вашей группы, ваша позиция самая опасная и курды постараются в первую очередь атаковать её, – не скрывая беспокойство, спросил Искандер Чауш.

– В мою группу войдут 7 бойцов, из числа тех, кто находится здесь и 3 бойца из группы охраны медицинского экипажа. Несмотря на то, что скала находится непосредственно рядом с дорогой, эта позиция является самой безопасной. Просто так добраться до её вершины невозможно. Любая попытка курдов атаковать её, им будет стоить больших потерь. Сами понимаете, если там было небезопасно, я бы не решился укрыть на вершине скалы доктора и Ануш Ханум. Нам ещё предстоит решить проблему, как мы окажемся на этой скале.

Времени мало, Искандер Чауш отправьте гонцов и приступим к перегруппировке. – Трудно было изображать из себя командира, но я начинал входить во вкус, и ещё немного, почувствовал бы себя Наполеоном.

В ущелье продолжался бой. Судя по доносившимся до нас звукам, гранат осталось мало, и редкие взрывы подтверждали мою догадку. Слышались звуки активной стрельбы, было понятно, что курды ожесточённо сопротивляются. Быструю победу я и не ожидал. Стреляли наши бойцы плохо, и к этому добавлялся немаловажный фактор – отсутствие боевого опыта. Большинство бойцов впервые участвовали в боевых действиях, и скорее всего, в начале боя были в растерянности. Единственная надежда была на моих офицерах и на Левона с Андреасом. Своим примером и командованием они должны были заставить бойцов прийти в себя и продемонстрировать хоть малую часть того, чему мы успели их обучить за месяц.

Позиция моей группы действительно была труднодоступной. Высота скалы была чуть выше 10 шагов. Сами с трудом взобрались на её вершину, и то с помощью верёвок, брошенных одним из моих бойцов, после того как ему удалось взобраться на скалу. Для детей гор может это и не было сложно, но для меня было очевидно, что если курды попытаются подняться на скалу, то у нас будет достаточно времени и возможностей пристрелить их. Я так же рассчитывал на помощь трёх остальных групп. Курдам, от пуль, выпущенных из наших винтовок, негде было скрыться, кроме как за нашей скалой, но мы и не думали позволить им там прятаться. Единственное что меня беспокоило, это опять же, плохое умение наших бойцов стрелять, особенно по дальним целям.

Не успели мы поднять на скалу доктора Пирогова, Ануш Ханум и прибывших с ними бойцов, как заметили приближающихся всадников. Сведения, полученные от унтер-офицера Петрова, были верными. Я насчитал не более сотни всадников, так же безрассудно, как их Бек некоторое время назад, скакавших на предельной скорости в сторону входа в ущелье.

Как только курды приблизились к нашей скале, мы забросили их 6 гранатами и открыли по ним огонь из винтовок и револьверов. Не подвели и бойцы других групп, открывшие огонь со своих позиций. Для курдов наш огонь был настолько неожиданным, что они растерялись. Вместо того, чтобы пуститься в рассыпную, они стали кружиться между скалой и входом в пещеру. Трудно было не попасть в такую групповую мишень.

Мы продолжали стрелять безостановочно по курдам со всех позиций. Количество курдов сокращалось так активно, что до их предводителя наконец дошло, что нужно покинуть линию огня. Но они допустили очередную ошибку, направились в сторону заваленного входа в ущелье. Было понятно, что курды любой ценой старались оказать помощь своему Беку, смелый, но глупый поступок. Не успели они приблизиться к входу, как их закидали четырьмя гранатами. Мало кому из курдов удалось уцелеть, но они упорно стремились на помощь к своему Махмуд Беку. Пару десятков курдов спешились и начали карабкаться по заваленному входу. Не прошло и пару минут, как не осталось ни одного невредимого курда. Бойцам, охраняющим вход в ущелье, нужно было постараться, чтобы не попасть с такой дистанции по противнику.

Когда к нам подоспела помощь, во главе с капитаном Александровским и майором Кирилловым, всё уже было завершено, живых и невредимых курдов не осталось.

Неожиданно лёгкой оказалась победа над курдами. Одно дело разбойничать, и совершенно другое воевать. Даже против нашего наскоро сформированного боевого подразделения с некоторыми элементами военной дисциплины, курды не способны были противопоставить ничего, кроме своего безумного бесстрашия и самопожертвования.

Нам удалось уничтожить 355 и пленить 53 раненых курдских разбойников, потеряв при этом 15 убитых и 60 раненых бойцов.

Даже я, не имевший знаний и навыков руководства боевым подразделением, руководствуясь одним лишь здравым смыслом, смог организовать победу над курдами и не уронить честь Великого Князя. Ведь не просто так за ним закрепилась слава крупного полководца, нужно было соответствовать этой славе. Жаль, что вместе с его памятью мне не передались его навыки и способности.

Позже, проанализировав свои действия, я понял, как много ошибок допустил во время планирования и проведения этой операции. Именно тогда ко мне пришло осознание, что лёгкие победы развращают, и нужно учиться. А для этого нужны были толковые учителя.

Как бы там не было, но после уничтожения Махмуд Бека и его разбойничьей шайки наша жизнь сильно изменилась.

Глава 4

– Ваше Высочество вы ранены? – обратился ко мне Николай Иванович Пирогов. Судя по его беспокойному тону, я понял, что со стороны выгляжу не самым лучшим образом.

Я спустился с верхушки скалы по верёвке, и собирался направиться в сторону входа в ущелье, и не чувствовал особенного дискомфорта в теле. Ничего не болело, организм слушался нормально, и мне трудно было понять причину беспокойства доктора, который вместо того чтобы спешить организовать помощь тем, кто в этом действительно нуждается, почему-то смотрит на меня как на тяжело раненого.

– С чего вы взяли Николай Иванович? Руки ноги целы, да и в теле новых дырок от пуля я что-то не наблюдаю.

– Позвольте! – Доктор, не дождавшись моего согласия начал внимательно осматривать мою шею. – Удивительно, пуля прошла по касательной, содрал только кожу.

– Надо же, мне показалось, что содрал кожу об камень, когда лёжа стрелял по курдам. Доктор как я понял, у меня там какая-то царапина, ничего со мной не случится, лучше окажите помощь тем, кто в этом нуждается в первую очередь.

– Ануш Ханум попросите бойцов пригнать сюда медицинский экипаж, а я пока обрабатываю рану. Удивительное везение ещё чуть—чуть..., не хочу даже предположить, что могло случиться. Ваше высочество, всё ваше тело в шрамах от ран, каждая из которых могла бы стать смертельной. У меня такое ощущение, что у вас имеется ангел-хранитель. Если не хотите красоваться с уродливым шрамом на шее, то придётся потерпеть, я должен наложить швы.

– Может красотой моей шеи займемся после того как вы окажите помощь нашим раненым, их наверняка будет достаточно, особенно среди тех, кто защищал вход в пещеру.

– Даже при большом желании я не смогу сейчас им помочь, вход в ущелье завален, и нам придётся подождать, пока раненых доставят к медицинскому экипажу. В каждом отряде имеются подготовленные мной фельдшеры, правда практики у них никакой, но там наши офицеры, которые по вашему приказу проходили полный курс обучения, по оказанию первой помощи, и опыта у каждого из них предостаточно. Слава богу, среди бойцов нашего отряда нет раненых, кроме вас.

Помню выражение озабоченных лиц капитана Александровского и майора Кириллова, когда они во главе своих отрядов прибыли к нам на помощь. Увидев меня на операционном столе, они не на шутку испугались. Проникающие ранения в область шеи, как правило, бывают смертельными, и редким счастливым удаётся выжить.

После того как доктор наложил швы и повязку, я без труда сам встал и сошел с операционного стола, чем вызвал не малый восторг у моих верных офицеров.

Я направил свой взгляд в небо. Сквозь синеву неба и башни облаков на меня падали яркие лучи солнца. Я прищурился и огляделся по сторонам. После боя всё вокруг стало восприниматься выпукло и ярко. Красота окружающей природы вызвала неожиданный восторг. Любая мелочь могла вскружить голову, иницируя восхищение: будь то запах травы, непрекращающийся стрекот кузнечика или полёт стрекозы – все вокруг открывалось мне новой, волнующей кровью стороной. Я направился под тень одиноко стоящего дуба, и исходящий от него запах душистой смолы был восхитительным. Прислонившись к дереву, я прикрыл веки и представил перед собой заполненные солнечным теплом янтарные глаза прекрасной незнакомки. Моя память восстановила её облик до мельчайших подробностей. Я как мальчишка мечтательно представил, что мы опять случайно встретились с ней.

– Ваше Высочество, как вы себя чувствуете? – Услышал я обеспокоенный голос своего верного адъютанта.

– Я в порядке Олег Дмитриевич, лучше расскажите подробности уничтожения шайки Махмуд Бека. Надеюсь, бойцы не растерялись? Расскажите, как они воевали?

– С горем пополам, Ваше Высочество, повезло, что гранаты успели наготовить в достаточном количестве. Благодаря их применению удалось курдов порядить основательно, и уменьшить натиск на отряд унтер-офицера Петрова. Горе бойцы стреляли так, что мне пришлось приказом остановить стрельбу и сделать им внушение, но и это не помогло, больше половины бойцов как стреляли, так и продолжали стрелять в молоко. Пришлось приказать стрелять только тем, у кого хоть что-то получалось, а остальным заряжать и подавать готовые к стрельбе винтовки, – недовольно произнёс Кириллов.

– С моими бойцами такая же история, зато после боя все ходят как орлы. Жаль только, что в отряде Петрова имеются погибшие и раненые, им досталось больше остальных отрядов, – высказался капитан Александровский.

– А какие потери у вас в отрядах? – спросил я. Мне трудно было каждый раз принимать доклады о потерях. Я всегда винил себя, и потом долго мучился, проклиная себя за допущенные ошибки, как в процессе подготовки бойцов, так и в планировании и проведении боевых операции.

– У меня по глупости погиб один из бойцов, он стоя во весь рост стрелял по курдам, не успел я отреагировать, как пуля, выпущенная курдами, попала ему в голову. Ещё пару бойцов получили ранения, пронесло, ничего серьёзного, жить будут, – доложил майор.

– Я потерял троих, наши позиции были на высоте 50 шагов. С таким боевым опытом как у моих бойцов, нам ещё повезло, что потери небольшие. А вот раненых много – 12 человек, трое тяжелых. – Капитан Александровский отчётливо понимал, что количество погибших и раненых, для отряда, занявшего удобные позиции для боя слишком большое. У курдов не было возможности стрелять прицельно, из позиции снизу-вверх. Но они продемонстрировали отличную меткость в стрельбе, в отличие от наших бойцов.

– Если у вас такие большие потери, боюсь даже спросить, как обстоят дела у унтер-офицера Петрова, надеюсь число погибших не слишком большое?

– К сожалению, большое Ваше Высочество, погибших 11, а ранены почти все, – доложил майор Кириллов. – Петров отправил гонца с докладом и с просьбой послать людей, для оказания медицинской помощи и эвакуации раненых. Курды, от безвыходности, в основном стремились в сторону пещеры. Мы, после израсходования гранат, стреляли по курдам в основном в спины, старались помочь, чем могли. Благодаря наличию 50 гранат и их применению в ограниченном пространстве, бойцам Семёна Порфирьевича удалось отстоять свои позиции. Но курдов было слишком много, и после смерти Махмуд Бека они, как будто с цепи сорвались, позабыв о самосохранении, стремились любой ценой отомстить за своего предводителя. В их прямой досягаемости был только отряд унтер-офицера Петрова, весь гнев уцелевших курдов обрушился на бойцов этого отряда.

До сих пор не верится, что нам удалось уничтожить курдов. Были бы хотя бы полсотни русских солдат, тогда и потерь таких не имели. Позиции для боя мы заняли отличные – лучше не придумаешь. При наличии подготовленных бойцов, до входа в пещеру добрались бы единицы курдов. А так имеем то, что имеем.

– Ваше Высочество, а как вашему отряду удалось уничтожить сотню курдов, не понеся никаких потерь? – спросил капитан Александровский. Он смотрел на меня как на великого полководца, способного нанести поражение врагу, не неся при этом потери.

– Курды сами постарались, нет особой заслуги в уничтожении тех, кто не имеет ни малейшего представления о том, как нужно воевать в открытом пространстве. Потерь у нас нет по простой причине, курды даже не старались воевать с нами, стремились любой ценой оказать помощь своему Махмуд Беку, а мы, после израсходования гранат, стреляли с укрытий и с дальней дистанции. Одним словом, повезло. Воевать с курдами оказалось намного

проще, чем с подготовленными турецкими солдатами. Несмотря на их слабую боеготовность, мы понесли большие потери. Главное сейчас оказать всем раненым своевременную помощь. Мы ещё не знаем, как отреагируют жители долины на такое количество погибших бойцов, многие из них наверняка из местных.

Николай Иванович, какая нужна помощь, командуйте! – обратился я к доктору Пирогову, который стоял рядом со мной, и после моего вопроса начал проверять мой пульс на правой руке.

– Ваше Высочество, вам нужен покой, организм ещё не успел полностью восстановиться от предыдущих ранений, и имеется большая вероятность того, что начнётся процесс гноения раны. Я обработал рану как следует, но нет полной гарантии, и я требую, чтобы вы не напрягались. Устройтесь под деревом, а мы займёмся развёртыванием полевого госпиталя. Я сначала займусь тяжелоранеными, а офицерам придётся оказать помощь легкораненым. Ещё нужны человек 5 для разогрева воды и прочие работы, одним словом санитары.

Не дожидаясь моих распоряжений Пирогов начал раздавать команды бойцам моего отряда, которые спустившись со скалы, отдыхали неподалёку. Два бойца получили распоряжение перегнать медицинский экипаж к входу в ущелье, дальше началась организация развёртывания полевого госпиталя.

Через полчаса начали прибывать раненые, и мы все были задействованы в оказании первой помощи. Я категорически отказался отлёживаться в стороне, объясняя доктору и остальным соратникам, что у меня всего лишь царапина, и что считать меня раненым смешно.

Бойцы с удивлением наблюдали как Беркер Бей и Ахмед Ага наравне с другими русскими оказывают им помощь. Для них это было неожиданностью больше, чем их победа над курдами. Ненавистные турки не брезгают и спасают жизнь тех, которых за людей до этого не считали – было чему удивляться.

Прибыли унтер-офицер Петров со своими помощниками, Левонем и Андреасом. Последние двое щеголяли повязками, но по их настроению было видно, что ранения не опасные.

– Ваше Высочество, мы завершили доставку раненных, – коротко доложил Петров. – Необходимо организовать захват основного лагеря Махмуд Бека. Если до курдов дойдёт информация о нашей победе, они попытаются свернуть лагерь и уйти со всем добром. Но имеется одна проблема, в результате допроса выживших охранников Бека, мы выяснили, что в лагере находится представитель Эрзурумского Вали

– Капитан Александровский соберите до полусотни бойцов и организуйте захват лагеря. Задержите этого представителя Эрзурумского Вали, и доставьте в наш лагерь вместе с задержанными курдами. Лагерь курдов должен остаться на своем месте, нужно организовать его надлежащую охрану.

Майор Кириллов, обеспечьте доставку необходимого количества пастухов и прочих работников в лагерь курдов. Арестуйте всех курдов, находящихся в лагере и на пастбищах. Необходимо разобраться, кто из них принимал участие в разбоях.

– Разрешите Ваше Высочество, – обратился Левон, и получив мое согласие продолжил. – Жители нашей деревни, да и остальных деревень долины, испугаются, и вряд ли среди них мы найдём желающих помочь нам прибрать в свои руки стада и прочее имущество курдов. Курды обязательно попытаются отомстить за уничтожение Махмуд Бека и его шайки.

– Поступим по-другому, среди наших возчиков и прочих работников почти 100 человек из других районов, в основном молодые парни. Их отправьте в курдский лагерь, сомневаюсь, что найдётся много отказников. Большинство из них вели бродячий образ жизни, а нынче живут в нашем лагере. Потом разберемся где набрать новых работников. А что касается мести курдов, то пусть попробуют, ответим так, что мало не покажется. Лагерь курдов и всё имущество Махмуд Бека конфискуем, такой шаг будет предостережением для остальных курдов. Они

могут не только погибнуть, но и оставят после смерти свои семьи, ни с чем, если попробуют ещё раз напасть на нас.

Нам предстоит навести порядок сначала в близлежащих территориях, а после и во всей провинции. Настало время заявить о нас в полный голос и продемонстрировать, что со мной и с моими людьми лучше не связываться, это опасно для жизни. В провинции могут оставаться только мирные курды, а те, кто решатся потягаться с нами силой, будут полностью уничтожены.

– Как на это посмотрят местные власти, курды веками были помощниками властей, чтобы держать под контролем христианские народы, которыми в основном населена провинция, – спросил удивлённо Андреас.

– Не забывай, кто я, вернее под чьим именем я действую. Курды попытались ограбить высокородного турецкого Бей. Вряд ли Эрзурумский Вали сможет неприкрыто выступить в их защиту, при таких обстоятельствах. Тем более, что у нас имеются доказательства и свидетели их преступлений. Мы найдем, чем задобрить власти, чтобы им было выгодно занять нашу сторону.

Касаемо содержимого пещеры и прочего имущества Махмуд Бека, нам предстоит сначала понять, что попало в наши руки, после и решим, как действовать в дальнейшем.

– А как вы будите общаться с тем же Эрзурумским Вали и прочими представителями власти? Ваше произношение сразу же...

– Во время боя я получил опасное ранение в шею, и временно не в состоянии говорить, – прервал я Андреаса. – До тех пор, пока мое произношение не будет как у прирожденного турка, буду изображать из себя немоего. Хотя, будет лучше, если я буду способен говорить слишком тихо, это позволит мне общаться, скажем, через капитана Александровского, с представителями власти и прочими нужными людьми.

Мы больше месяца, как обосновались в этих краях, вот и появился повод заявить о себе во всеуслышание.

Нам предстояло провести разбор завала у входа в ущелье, чтобы освободить дорогу к пещере, и произвести ревизию и оценку всего имущества Махмуд Бека. Этот разбойник обладал значительным богатством. В наше распоряжение попало свыше пары десятков тысяч разного скота, и нам пришлось задуматься, как ими распорядиться. В палатке Бека был обнаружен сундук с золотыми монетами и разными драгоценностями. По предварительной оценке Андреаса, стоимость захваченного имущества Махмуд Бека приблизительно равнялась 10 тыс. золотым лирам, что было равноценно 1 тонне чистого золота, или 150 тыс. османских лир. Эта сумма на тот момент была значительной для нас, она в три раза превышала средства, имеющиеся в обороте нашей торговли.

Все эти расчёты были произведены без учёта стоимости товаров из каравана персидского купца. Майор Кириллов долго не мог понять, почему я решил вернуть купцу Амир-Али его имущество. По оценкам того же Андреаса, стоимость каравана оценивалась приблизительно в 7 тыс. золотых лир.

На следующий день после боя с курдами я пообщался с персидским купцом, который с нетерпением ждал встречи со мной. Перед встречей я согласовал с капитаном Александровским интересующие меня вопросы. Он с этого момента говорил от моего имени.

В сопровождении Ахмед Аги в мою палатку вошёл персидский купец. Его невысокая, но крепко сбитая мужская фигура из тех, о которых говорят «он выглядит моложе своего возраста». Голова была прикрыта чалмой, из дорогой шелковой ткани тёмно-зелёного цвета, с золотыми полосками. Чалма эффектно обрамляло породистое лицо, покрытое аккуратной волнистой черной с редкой проседью бородой средней длины. Его крупные карие глаза миндалеобразной формы, и густые брови предавали лицу лукавое, но при этом, умное выражение.

Купец согласно восточному обычаю поклонился мне в пояс и произнёс сладкоречивое приветствие.

– Сияние благородства, исходящее от вашего облика, выше всякого удовольствия, я счастлив, что удостоился чести встретиться с вами уважаемый Беркер Бей.

Я поприветствовал купца кивком головы и сделал рукой жест, приглашающий сесть. Его предупредили о моем ранении, и что общение со мной будет происходить через моего помощника. Ахмет Ага устроился рядом со мной, и после условного жеста обратился к персидскому купцу.

– Мой господин, Беркер Бей интересуется состоянием вашего здоровья.

– Слава Аллаху я цел и невредим. Мне хотелось бы встретиться с теми людьми, кто спас мою жизнь. Даю слово, как только окажусь в Тебризе, моя благодарность будет щедрой.

– На днях наш караван направляется в Персию, вы можете присоединиться к нему, мы будем рады доставить вас на родину как можно быстрее.

После этих слов лицо купца преобразилось и нам были известны причины, почему ему не понравилось предложение возвратиться на родину так быстро. По моему указанию, его свобода никем не ограничивалась, и он проводил свое время рядом с ранеными персами и так же имел возможность общаться с ранеными бойцами. После операции доктор обнадежил, что имеется большая вероятность, что оба перса выживут, но передвигать их ближайшие 20 дней он запретил. Кроме колотых и огнестрельных ран, они имели сломанные руки, ноги и рёбра, и им нужно было время для лечения и восстановления. Купец не скрывал, что 20 летний молодой перс приходится ему племянником, и судя по его поведению, парень был ему слишком дорог. Кроме этого, купцу были известны подробности вчерашнего боя с курдами, и он надеялся вернуть свое имущество. Он до встречи со мной уже успел обратиться с соответствующей просьбой к Ахмет Аге. Перс предложил довольно щедрое вознаграждение за возврат своего каравана – 5 тыс. золотых, но пока не получил никакого ответа, кроме просьбы предоставить полный список ограбленного.

В пещере мы не обнаружили сундучок с драгоценностями, указанный в этом списке. Но в палатке Махмуд Бека указанные в списке женские украшения были обнаружены. Курды успели преподнести подарок своему Беку, любителю всего блестящего.

После приветствия я доброжелательно улыбнулся и сделал знак помощнику.

– Мой господин принял решение вернуть вам всё ваше имущество, без какого-либо вознаграждения. Более того мы обнаружили все ваши повозки и ваш караван полностью будет восстановлен, а с возчиками мы поможем.

– Да извинит меня благородный Беркер Бей, но я долго живу на этом свете и не верю в бескорыстность, особенно среди людей, имеющих отношение к торговле. Могу ли я узнать, чем я могу быть полезен сиятельному Бейю?

– Так сложились обстоятельства жизни моего господина, что он вынуждено сам занимается торговлей. Он добился немалых успехов на этом поприще, но он благоразумно считает, что у него пока мало опыта, особенно по организации поставок товаров в Персию и обратно. Беркер Бей уделяет большое внимание налаживанию взаимовыгодных отношений и связей, в первую очередь, с опытными и доказавшими свою состоятельность мастерами своего дела. Нам известно о вас достаточно, чтобы понять, что взаимовыгодная дружба с вами стоит намного дороже сиюминутной выгоды.

Мой хозяин любит повторять – «Хочешь иметь надёжного друга – будь им».

– Для меня великая честь заслужить право считаться вашим другом Беркер Бей. Вы уж извините меня за моё любопытство, но я за короткий срок нахождения в вашем лагере постарался собрать информацию о вас. Мне известна печальная история, постигшая вашу семью, и как оставшись круглой сиротой, без средств и без поддержки родственников, вам удалось не спастись перед трудностями и доказать, что в ваших жилах не просто так течет благородная кровь. Торговля – это искусство, и судя по вашим успехам, вы обладаете немалыми талантами. Вы наверняка уже знаете, что один из раненых мой племянник. Аллах не подарил мне сыно-

вей, и своего племянника я люблю как собственного сына. Очень надеюсь, что со временем он станет искусным торговцем, и я со спокойным сердцем оставлю ему в наследство мое дело. Я могу только мечтать, что бы он походил своими достижениями на вас, уважаемый Беркер Бей. Вы с ним одногодки, и несмотря на мои и его старания, я пока не могу сравнивать его успехи с вашими.

– Моему хозяину пришлось прожить трудную жизнь, но аллах милостив, и одарил его многими талантами, при этом, сам он любит постоянно учиться и совершенствоваться. Беркер Бей живёт достойной, для его благородного происхождения, жизнью. Он ценит в людях, в первую очередь, благородство души, и способность защитить честь и достоинство, как свою, так и своих близких.

– Я вчера с немалым удивлением услышал рассказы ваших охранников, о военных талантах уважаемого Беркер Бея, но больше всего меня удивил и восхитил тот факт, что после боя, пренебрегая собственным ранением, вы оказывали помощь своим раненым слугам. Это редкое качество – чувство ответственности по отношению к тем, кто доверился и служит вам. Я впервые вижу, с какой неподдельной верностью служат вам ваши люди. Я-то имею представление, как трудно добиться верности от своего окружения, но вы преподали мне самый ценный урок. Как вы сказали – «хочешь иметь хорошего друга, будь им». Для вас это не пустые слова, вы своей жизнью доказываете, что вы сами служите своему окружению и получаете ответную верность, уважение и самое главное доверие.

После условленного жеста Ахмет Ага преподнёс ухо по ближе к моему лицу, и послушав мою реакцию на высказывания Амир-Али, с улыбкой на лице, озвучил мои слова.

– Я не узнал в человеке, которого вы сейчас описывали, самого себя, но мне понравился этот образ, и в дальнейшем обязательно постараюсь ему соответствовать.

– Буду счастлив, заслужить право быть вашим другом сиятельный Бей. Вы объяснили, по какой причине отказываетесь от вознаграждения. Признаюсь, для меня это неожиданно, но я не могу воспользоваться вашим благородством и великодушием, и с нетерпением желаю услышать, чем я могу быть вам полезен, – с поклоном головы произнёс Амир-Али.

– Беркер Бей просит вас посмотреть на товары, приготовленные нами для поставки в Персию, и порекомендовать ассортимент и примерное количество тех изделий, которые мы не учли.

Мы понимаем причину, по которой вы не спешите вернуться на родину. По поводу вашего племянника не беспокойтесь, за его здоровьем следит один из лучших докторов, и благодаря его талантам, были спасены не одна тысяча жизней. При желании вы можете вернуться с нашим караваном обратно. По времени, как раз ваш племянник и второй раненый, будут годны к перевозке. Правда к этому времени начнутся холода, и было бы неплохо организовать их транспортировку в крытом и отапливаемом экипаже, им ещё долго предстоит восстанавливаться.

Я прикоснулся рукой плечу Ахмед Аги и он прервался, повернулся ко мне и внимательно послушал то, что я хотел передать.

– Беркер Бей рекомендует не спешить с перевозкой вашего племянника, лучше будет, если он останется на два месяца под наблюдением нашего доктора. Он уверен, что нам удастся организовать постоянные поставки наших товаров в Персию, и предполагает организовать наше представительство в Тебризе. Вы так же можете воспользоваться имеющейся возможностью, и организовать своё торговое представительство в Эрзуруме. Организовав работу наших представительств, мы постепенно наберемся опыта взаимовыгодного сотрудничества и постепенно расширим его. Мы уточняли, телеграф между Эрзурумом и Тебризом работает стабильно, и мы сможем без задержки передавать нашим представителям заявки, на подготовку необходимых грузов, и помогать друг другу в их предварительном приобретении и складировании. А транспортировку можно организовать на наших большегрузных быстроходных

повозках, запряженных породистыми тяжеловозами. По расчётам Беркер Бей, время в пути и на закупку товаров сократится минимум в два раза, и при необходимости можно организовать регулярные поставки и постепенно довести количество караванов до двенадцати. Это позволит ежедневно получать и отгружать товары в адрес друг друга. За счет высокой скорости и большей оборачиваемости, мы сможем продавать наши товары по более привлекательной оптовой цене. Многим местным торговцам будет выгоднее осуществлять заказы через нас, чем отправлять собственные караваны. Мы так же сможем увеличить ассортимент изделий и продуктов, поставляемых в обе стороны. В этот список войдут те товары, доходность от реализации которых была относительно низкой, и они, как правило, не поставлялись.

– Прошу прощение уважаемый Беркер Бей, а вы будите в состоянии организовать продажи такого количества товаров? – с трудом скрывая своё удивление, спросил Амир-Али.

После моего знака Ахмет Ага ответил на заданный вопрос. Он был из числа оговоренных, и не требовались мои дополнительные уточнения.

– Во всех крупных населённых пунктах провинции мы постепенно организовываем оптовые склады и магазины. Количество магазинов зависит от величины населённого пункта и количества рынков в нём.

– Вы одновременно занимаетесь оптовой и розничной торговлей? – персидского купца заинтересовал наш подход.

– Основная наша цель, это стать крупным оптовым поставщиком, и мы рассчитываем в течение года открыть свои склады и магазины во всех крупных городах, расположенных в четырёх провинциях империи, от Анатолии до Кавказских гор и Каспийского моря. Мы уже торгуем продуктами питания, изделиями местных мастеровых, и хотим подключить к ассортименту товары из Персии. А в дальнейшем наладим поставки из Европы и собираемся построить несколько фабрик. А что касается розничных магазинов, то мы их открываем в ограниченном количестве, в основном для более досконального изучения спроса на местных рынках, и определения наиболее оптимальных розничных и оптовых цен на товары, поставляемые нами.

– Что бы организовать столь обширную торговлю, необходимо обеспечить безопасность передвижения ваших караванов. Теперь понятно, почему Беркер Бей с такой хладнокровностью уничтожил целый род курдов, и для чего вы держите такое количество вооруженных охранников.

Я сделал знак, и Ахмед Ага приблизился ко мне. Услышав, что ему предстояло передать, он с трудом скрывая собственное удивление начал транслировать мои слова.

– В течение года мы откажемся от перевозки грузов торговыми караванами. Мы собираемся организовать транспортную компанию, которая будет иметь свои станции для замены лошадей и возчиков на всех основных дорогах центральной Азии, это поможет минимум в 2 раза увеличить скорость перемещения грузов, что в свою очередь позволит увеличить оборачиваемость денег и поставку на дальние расстояния скоропортящихся продуктов. На базе этих станций так же будут организованы пункты охраны основных дорог, которые будут патрулироваться нашими вооруженными охранниками. Эти преимущества позволят нам усилить свои позиции оптового поставщика разнообразных товаров. Со временем мы будем строить специальные хранилища для долгосрочного хранения продуктов питания и предприятия по их переработке.

– Беркер Бей извините за нескромный вопрос, а деньги у вас имеются на реализацию столь грандиозных планов.

– Уважаемый Амир-Али, на этот вопрос я отвечу сам, – уверенно произнёс мой помощник. – Мой господин считает, и не раз уже доказал, что для удачной организации дела, деньги не являются основополагающим фактором. Главное в этом деле люди, кто будет реализовывать наши планы. Мы, из-за нехватки верных и способных сотрудников, пока ограничиваем наше развитие. Но мы вложили достаточно средств в приобретение русских рабов. Как показывает

наш опыт, на них можно положиться, правда, приходится их сразу же освобождать от рабства, но под их честное слово. В течение трех лет после этого они работают на нас, и служат верой и правдой.

– Я слышал русские рабы самые строптивые и мало кто хочет с ними связываться, – удивлённо отреагировал купец.

– Они имеют понятия о чести и достоинстве, и как правило, являются хозяевами своего слова. Беркер Бей уверен, что нужно иметь дело только с людьми, кто в жизни руководствуется этими понятиями. Даже среди местного населения, мы выбираем работников, придерживающихся в своей жизни этих понятий.

– Получается, русские в течение трёх лет выплачивают свои долги перед Беркер Беем и после этого могут быть полностью свободны, – решил высказать свою догадку Амир-Али.

– Вы не поняли, мой господин не может вести себя как какой-то презренный ростовщик. Труд русских оплачивается с первого же дня их работы, и сумма не отличается от оплаты местных работников, а зачастую значительно превышает. Рядом с Беркер Беем могут быть только свободные люди, уважающие себя и своих товарищей по работе. От них не требуется быть верным лично Беркер Беем, достаточно и того, что они верны своей работе и людям с кем работают.

– Уважаемый Беркер Бей я поражен вашей мудростью, вот что значит, с юношеских лет самому заботиться о себе и добиваться успеха, опираясь на самого себя и на верных помощников. Для меня была загадкой, как местные христиане осмелились идти против курдов. Теперь понятно, что у вас служат лучшие из лучших, способные не только уважать, но и заслужить уважение. Редко можно встретить людей не способных из-за сиюминутной выгоды продать. – При произношении этих слов, я почувствовал, что персидский купец не до конца искренен, вернее у него имеются серьёзные сомнения по поводу услышанного.

В это время в палатку вошёл майор Кириллов, в руках держа небольшой серебряный сундучок. Он поклонился мне, и получив разрешение говорить произнёс.

– Мы по списку подобрали все драгоценности, принадлежащие купцу Амир-Али. Вы дали распоряжение представить подобранные драгоценности, для подтверждения.

Я жестом руки указал на купца. Кириллов подошел к нему и положил рядом с ним сундучок с драгоценностями. Несколько минут купец внимательно изучал каждое изделие, а я в это время наблюдал за его реакциями. Не разбираясь в нюансах ювелирного искусства этого времени, мне было достаточно посмотреть на драгоценности, чтобы понять, они являются произведениями искусства и имеют не малую цену. Скорее всего, украшения были изготовлены по конкретному заказу, в одной из европейских стран. Я даже догадывался в какой. Качество огранки бриллиантов, сапфиров, изумрудов и прочих драгоценных камней выдавало их итальянскую принадлежность. В прошлой жизни мне приходилось иметь дело с драгоценными камнями, и я неплохо разбирался в них, в том числе имел представление о старинных огранках.

К моему удивлению Амир-Али не выказал особую радость после осмотра содержимого сундучка. Майор Кириллов так же наблюдал за его реакцией, ехидно улыбнулся и обратился ко мне.

– Мы обнаружили все драгоценности согласно предоставленному списку, кроме одного женского кулона. У нас имеются сомнения, но я принес похожий кулон. Он не совпадает с описанием купца, вместо крупного бриллианта, там указан сапфир средних размеров. Майор достал из кармана бархатный мешочек и передал мне. Раскрыв его, я достал кулон и от неожиданности ненадолго потерял душевное равновесие. В моих руках был кулон с крупным бриллиантом, по моим прикидкам 14—15 карат. Я сделал знак и ко мне поднесли две керосиновые лампы. После внимательного изучения камня, мне стало понятно, что в моих руках камень прекрасного качества и с достойной огранкой. Только этот бриллиант стоил в несколько раз дороже, чем стоимость всего каравана персидского купца. Внутри меня боролись два моих я. Я из прошлой жизни, и второй я из настоящей. Оказалось, я успел преобразиться настолько, что,

долго не думая принял решение, с которым в прошлой жизни был бы категорически не согласен.

Знаком приблизив к себе Ахмет Агу, велел передать мое решение, которое его удивило настолько, что он взял недолгую паузу, попытался обратиться ко мне, но заметив мой неодобительный взгляд, повернулся к купцу и произнёс.

– Амир-Али, Беркер Бей предупреждает, это единственный случай, что он готов простить вас за преднамеренный обман. Он уверен, что этот кулон принадлежит вам, поскольку узнал руку мастера, изготовившего остальные украшения. Ему так же известна цена этого кулона. Запомните раз и навсегда – Беркер Бей редко кому предлагает свою дружбу, и его дружба не продается ни за какие деньги. Заберите свой кулон и можете идти, считайте, что все предложения моего господина о сотрудничестве отменяются. Вы получите обратно всё ваше имущество, и вашим людям будет предоставлена надлежащая медицинская помощь. – Ахмед Ага произнёс слова с таким жестким тоном, что даже мне показалось, что он переборщил. Не трудно было понять, что он не был согласен с моим решением, и всё своё возмущение вложил в слова, обращенные к купцу.

То, что случилось после этого, не ожидал никто. Амир-Али встал со своего места, подошел ко мне и бросился передо мной на колени.

– Вы преподали мне, человеку в три раза старше вас, урок благородства. Мне стыдно за свой поступок, я долго живу на свете, и моя работа не располагает преданию словам особой значимости. Я приношу свои извинения, и клянусь здоровьем моего племянника, что в моем лице вы имеете настоящего преданного вам друга, готового по первому вашему слову предоставить в ваше распоряжение всё то, чем я владею.

Хочу объяснить причину моего поступка. Вы правы, этот кулон стоит в десять раз дороже, чем весь мой караван, но не потеря денег меня беспокоила. Бриллиант для кулона мне передал Насреддин Шах, и заказал кулон для подарка на день рождения своей любимой дочери. Я покрыл бы без проблем стоимость потерянного бриллианта, и от этого не стал бы менее богатым, но я мог потерять доверие моего Шаха и его покровительство. Сами понимаете, всё мое богатство ничто по сравнению с этим.

Я покорно прошу извинить меня за мое недостойное поведение. На вашу доброту и великодушие я ответил своим недоверием, и нет мне прощения.

Мне стало стыдно за происходящее, тем более, что я был уверен, в прошлой жизни, при таких же обстоятельствах, поступил бы так же. Я встал, подошел к Амир-Али, помог ему подняться, и тихо произнес.

– Иншаллах (если пожелает бог).

Амир-Али растерянно смотрел на меня, но в этот момент в палатку вошёл Симон Чауш. После поклона он произнёс.

– Один из задержанных в лагере Махмуд Бека постоянно возмущается и требует отвести его к вам. Он утверждает, что является представителем Эрзурумского Вали.

Я сделал жест, означающий моё согласие принять его. Купец посмотрел вопросительно на меня, и я ему взглядом указал на его место. Присутствие купца во время общения с этим представителем Вали не было бы лишним.

Не успел я закончить инструктаж Ахмет Аги, как в палатку вошел худощавый 40 летний турок. Весь его облик говорил, что передо мной стоит один из худших представителей человеческого рода, чиновник средней руки. Мне не раз приходилось общаться с этой породой людей. Скользкие, жадные, одним словом трудно найти хоть одно положительное определение для характеристики этих посредников между властью имущими, и теми, за счёт грабежа которых они живут и процветают.

Этот несчастный решил продемонстрировать свой нрав, и не поздоровавшись, не спросив позволение начал излагать свое возмущение. Не успел я отреагировать, как он получил такой

сильный подзатыльник от Симон Чауша, что мне показалось, я увидел, как искры полетели из его глаз.

– На колени пёс, кто ты такой, что в присутствии благородного Бея смеешь открыть свою пасть без позволения, – Унтер-офицер Петров говорил на тюркском лучше, чем кто-либо из нас. Всё время он проводил с охранниками, обучая их, и такой разговорной практики не было ни у одного из нас.

Чиновник от неожиданности рухнул на колени и прикоснулся лбом к ковру, продемонстрировав своё истинное трусливое нутро.

– Кто ты такой представься?! – прозвучал вопрос Ахмет Аги.

– Я представитель Эрзурумского Вали, зовут меня Юсуф Эфенди.

– Чем можешь доказать достоверность своих слов, – брезгливым тоном продолжил задавать вопросы Ахмет Ага.

– Ничем, я был в гостях у Махмуд Бека. Меня всё его окружение знает, и не было необходимости носить с собой специальные документы.

– Ты был в гостях у предводителя разбойников, может быть, ты сам являешься таким же разбойником? Мы допросили оставшихся в живых курдов, по их словам, ты был мюдиром, но тебя выгнали за казнокрадство. Почему благородный Бей должен поверить, что Эрзурумского Вали в лагере разбойников представляет бывший преступник. Ты кажется утверждал, что являешься личным представителем самого Вали?

– Да это так, я гостил в лагере Махмуд Бека и не имел представление, что его курды занимаются разбоем. Я был уверен, что это племя мирных курдских кочевников.

– Пёс, если ещё раз соврёшь, пощады не будет, сам пристрелю без предупреждения, – в голосе Ахмет Аги чувствовалось не простая угроза, а последнее предупреждение. – Мой господин сомневается, что Эрзурумский Вали будет иметь дело с таким отребьем как ты. У тебя имеется, что сообщить нам полезного? Если нет, то тебя отведут к остальным разбойникам и будешь вместе с ними дожидаться передачи полиции.

– Не отправляйте меня больше к курдам. Они грозятся убить меня, хотят отомстить туркам за смерть своего Бека. Я знаю, что верный слуга Бека Кярам Ага успел до вашего прихода скрыться. Курды не простят уничтожения целого рода. Махмуд Бек имел большой авторитет и был женат на дочери Шейха Мансура. Он предводитель курдов, проживающих в нашей и в трёх соседних провинциях. Вы даже не представляете, какая может начаться резня, курды вас не простят!

– Слушай ты пёс, к кому ты обращаешься и кого пугаешь, Беркер Бея, предводителя славного и древнего османского рода? С каких это пор турки начали бояться курдов, ты считаешь что несёшь? – Капитан Александровский был настолько убедительным, что я на мгновение поверил, что являюсь настоящим благородным турком.

Я знаком приблизил к себе Ахмет Агу и после моих слов он обратился к чиновнику.

– Господин приказал выдать тебе коня, и отправить к Шейху Мансуру. Если ты на самом деле являешься представителем Эрзурумского Вали, так и веди себя как подобает. Ты отправишься к этому шейху и потребуешь прибыть на переговоры с Беркер Беем. Если до прибытия шейха курдов, на территории нашей провинции произойдёт хоть одно разбойное нападение на наши караваны, то передай ему, что Беркер Бей будет действовать жёстко и беспощадно. За нападение на его людей все курды мужского пола старше 14 лет, проживающие в нашей провинции, и имеющие малейшее отношение к разбоям, будут уничтожены, или арестованы и преданы суду. У моего хозяина хватит сил и влияния добиться смертного приговора для каждого из них.

Можешь написать письмо Эрзурумскому Вали, если он сочтёт нужным, то примет его и прочтет, завтра мы отправляем караван арестованных разбойников в Эрзурум, и передадим твоё письмо.

Да ещё, ты заберешь с собой жену Махмуд Бека, её детей и служанок. Мы с женщинами и детьми не воюем. Перед тем как написать письмо пообщайся с Амир-Али Агой, чей караван так же подвергся нападению разбойников Махмуд Бека. Он тебе расскажет, с каким огнём играли твои любимые кочевники. Молись, чтобы слухи о нападении на этот караван не дошли до Султана.

После того как чиновника вывели из палатки, и персидский купец отправился за ним, чтобы выполнить мое распоряжение, я дал приказ собрать военный совет.

На совете первым делом обсудили состояние раненых. Безнадёжных, среди тяжелораненых не было, что сильно обрадовало. После этого обсудили организацию завтрашних похорон, и утвердили сумму единовременной компенсации семьям погибших – в размере 50 золотых лир. По местным меркам сумма была баснословная. Обсудили вопрос компенсации раненым, и решили продолжать им выплачивать полную заработную плату, до момента их выздоровления. Искалеченным решили выплатить единовременную компенсацию в размере 25 золотых, и найти им работу, соответствующую их физическим возможностям.

– Ваше высочество, у нас осталось всего 50—60 относительно боеготовых охранников. Если завтра отправим в Эрзурум караван пленных, то нужно выделить, хотя бы 15 человек, мы останемся практически беззащитными.

– Без помощи местных нам никак не обойтись, пригласите завтра с утра всех старост деревень долины, нужно решить, что будем делать со стадами баранов и прочего скота. – Принял я для себя трудное решение, оно было на тот момент наиболее разумным. – Мы не можем организовать зимовку скота, нужно раздать всех животных местным жителям, но под определённые условия. Крестьянам так же будет трудно обеспечить кормами скот в течение всей зимы, нужно продумать как оказать им помощь в этом вопросе. Лошадей оставим, самим пригодятся.

– На днях начнут прибывать наши военнопленные, – обратился ко мне майор Кириллов. – Я молю бога, что бы среди них хотя бы треть была относительно боеспособна. Если курды решаться напасть на нас в ближайшие дни, то я сомневаюсь, что нам удастся защититься от них. У нас заканчиваются пули от наших винтовок. Когда поставщик, месяц назад, продавал нам последнюю партию, он предупредил, что поставок этих пуль больше не будет.

Мы ещё долго обсуждали, как и что делать. С каждой минутой обсуждения я четко осознавал, что не справляюсь. Ещё немного, и всё выйдет из-под контроля. Мне приходилось изображать из себя уверенного и знающего, что и как нужно делать лидера. Я прекрасно понимал, что стоит лидеру продемонстрировать сомнения и неуверенность в себе, как в коллективе начинается разброд и шатание. Коллектив, как и женщина, признают только сильного лидера, способного из любых ситуаций находить тот выход, который принесёт очередную пользу, или на худой конец, не ухудшит текущее состояние. Мне катастрофически не хватало опыта управления боевым подразделением, если в вопросах бизнеса всё шло более или менее нормально, и постоянный прогресс был на лицо, то в обеспечении нашей безопасности ситуация с каждым разом становилось всё сложнее и неопределеннее. Сил и возможностей для достойного противостояния не хватало. Я не имел малейшего представления, как поведут себя курды, осмелятся ли напасть на турецкого высокородного бея в открытую, или постараются отомстить другим способом. Я только знал точно, что курды обязательно будут мстить. Было ясно так же, что местные власти будут скрыто поддерживать курдов, вряд ли они откажутся от столь удобного, и самое главное, бесплатного инструмента контроля над христианскими народами. Логика в таком поведении властей явно присутствовала. В других частях империи постоянно происходят бунты и восстания христиан разных национальностей. Не трудно было понять, что только в Центральной Азии ситуация была относительно спокойной, и то благодаря курдам, которые и держали под жёстким контролем местные христианские народы.

– Андреас, как считаешь, курды решатся воевать с турецким Беем напрямую, или выберут другой способ мести?

– Ваше Высочество, вы поступили мудро, отправив представителя Эрзурумского Вали к Шейху Мансуру. Я уверен, что турецкие власти запретят курдам прямой конфликт с вами. Не трудно догадаться, если курды выйдут из-под контроля, то все наши провинции превратятся в арену кровавых разборок, и придётся отправлять регулярные войска для их усмирения. Терять таких выгодных союзников как курды, турецкие власти вряд ли решатся.

Курды постараются обязательно отомстить, и вы для них стали смертельным врагом. Кровная месть для них обязательна, они не успокоятся до тех пор, пока не убьют вас. Власть такое развитие событий так же устраивает. Приструнить вас им не удастся, местные законы вы не нарушаете, а трогать без разрешения Султана благородного Бея они вряд ли решатся. Власть вряд ли разрешат курдам прямое нападение на вас и на ваши караваны. После этого, курды полностью выйдут из-под контроля властей. Наша основная задача организовать вашу личную безопасность, и понятно, что нужно срочно восстановить боеспособность нашей охраны. Нужны новые бойцы, притом такие, кто готов, не задумываясь пустить пулю в лоб любому, кто осмелится напасть на вас и на ваше имущество.

– В скором времени начнут прибывать русские бойцы, бывшие военнопленные, проданные в рабство. Но сформировать боеготовую охрану мы сможем не раньше, чем через месяц, более реально – через полтора месяца.

Не трудно догадаться, что курды постараются надавить на жителей долины, и довести их до такого состояния, чтобы те выражали явное недовольство нашему присутствию здесь. Своя рубашка ближе к телу, и местные жители, под давлением, наверняка перестанут сотрудничать с турецким Беем. Сами понимаете, без такого сотрудничества мы обойдёмся, но это противоречит нашим целям. Как я уже не раз говорил, мы вынуждены опираться на местных жителей. Они привыкли к своему рабскому существованию, и вряд ли готовы бороться за освобождение. Мы и не будем призывать их к этой борьбе. Бороться с империей должны профессионально подготовленные люди, и это не будет иметь характер национально-освободительной борьбы. Об этом мы поговорим позже. А сейчас предлагаю обсудить, как сделать так, чтобы местным жителям стало выгодно сотрудничать с турецким Беем и доверить свою защиту от разбойников не курдам, которые в основном их и грабят, а нам. Нужно так же подумать, как оградить их от давления со стороны курдов.

– Курдов народ боится, а вас начинает постепенно уважать. Разгромив шайку Махмуд Бека и проявив заботу о тех, кто служит вам, вы заслужили это уважение. Немало поспособствовало уважению к вам, оказание безвозмездной помощи по лечению жителей долины. Но чувство страха намного сильнее чувства уважения, и вряд ли народ примет ваше покровительство взамен курдского. Нужно подумать, как привлечь на свою сторону местных жителей. Мне стыдно признать, но в своей основе народ у нас трусливый и покорный, – печально констатировал всем известные истины Левон.

– Мы не имеем право осуждать простых обывателей, они таковы каковы есть, и поверьте мне на слово, простые люди везде ведут себя таким же образом. Прав твой отец – староста Андо, люди, и не только те, кто проживает в долине, проживают свой век как управляемое стадо разобщенных баранов. Вопрос в том, кто будет управлять этим стадом и как собрать вокруг себя тех, кто не желает волочить свое существование на грешной земле в статусе травоядного.

Мы забыли упомянуть, что обыватели, несмотря на свою трусливость, частенько ведут себя, руководствуясь собственной выгодой. При этом они не отличаются дальновидностью. Как бы это не звучало неприглядно, но мы вынуждены будем купить лояльность местного населения, главное предложить достойную цену.

– Вот почему вы предложили раздать безвозмездно скот курдов местному населению. Они вряд ли устоят перед соблазном получить бесплатный подарок, а получив его, станут

непрямыми участниками разгрома и конфискации имущества рода Махмуд Бека. Хотят они это или нет, но после этого они обязаны будут уповать на вашу защиту от курдов. Ваше Высочество, а что случится с нашим несчастным народом, когда вы вернётесь на свою родину, – Андреас выглядел растерянно. Ему явно не нравилась та перспектива, которая возникла в его воображении.

– Я не собираюсь отказаться от долины, как и от всей Центральной Азии. Пока я жив, эти территории я буду рассматривать как неделимую часть своей будущей империи. – После моих слов на лицах моих соратников можно было заметить проявление взаимоисключающих чувств, настороженность, удивление, страх, неверие и восхищение. Они впервые услышали от меня то, что я собираюсь формировать собственную империю. От человека, у которого в распоряжении были меньше полусотни боеспособных людей и небольшое финансовое состояние, услышать такое заявление было бы равноценным тому, что воспринимать всерьёз бред сумасшедшего. Но я был наследником престола Московского Царства – богоизбранным, и в моих устах эти слова звучали как реальная цель, к чему я стремлюсь.

– Ваше Высочество, простите меня за дерзость, но почему вы считаете, что в вашей империи народ будет жить счастливее, чем в османской. Насколько мне известно, в Московском Царстве простой народ живёт практически в таких же условиях, как и мы здесь, крепостное право намного жестче, чем условия, в которых живём мы, свободные подданные Султана. Только условия жизни рабов могут относительно облегчиться.

– Не продолжай Андреас, я тебя понял. Ты выражаешь свои мысли без страха передо мной и в первую очередь заботишься о будущем своего народа. Могу только радоваться, что ты находишься рядом со мной, и со временем рассчитываю, станешь моим верным соратником. Крепостное право, как и рабство для меня ненавистные понятия, и эти позорные явления порабощения людей будут ликвидированы в первую очередь. Но этот подход не панацея от имеющихся проблем, и после их отмены всеобщее счастье не наступит. Богатые и влиятельные уже изобрели инструменты скрытого порабощения простых людей, ты наверняка имеешь представление, как устроена жизнь в Европейских странах. Я не собираюсь сформировать империю, в которой простые люди будут продолжать находиться в статусе разобщенных травоядных. У баранов вкусное мясо и тёплая шерсть, но я не намерен кушать и тем более стричь обывателей, я собираюсь жить вместе с ними, и предпочитаю не управлять соседями, а мирно сосуществовать, и по мере возможностей оказать помощь их процветанию. Простая истина – чем благополучнее твой сосед, тем больше ты от этого выигрываешь, – не требует дополнительного разъяснения. Я собираюсь построить империю, где люди независимо от происхождения и национальной принадлежности будут иметь равные права для самореализации, и государство будет предоставлять и гарантировать им соответствующие возможности. Параллельно государство буде охранять свой народ, как от внешних врагов, так и от преступников. Я пока даю упрощенные определения принципам формирования новой империи, но со временем мы более подробно обсудим эти вопросы.

– Ваше Высочество, после ваших слов, мне остаётся мечтать стать подданным великого императора, способного обеспечить в империи, то о чём только что вы рассказали, – без тени сомнения произнёс Андреас. Остальные присутствующие на военном совете старались понять смысл сказанных слов. Все мои соотечественники присоединились ко мне, руководствуясь преданностью к родине, которую они любили и давали присягу защитить её от внешних врагов. Профессиональным военным трудно было с лёту ухватить основную суть моих предложений, в отличии от Андреаса и Левона. Эти двое проливали кровь за справедливость для простых людей, и им мои мысли были более понятны и близки.

– Как бы это не выглядело неприглядно, но мы будем покупать уважение простых обывателей, и постепенно связывать их с нами. Придёт время, и я раскрою своё истинное лицо, но это будет не скоро. А до этого я буду играть роль справедливого Беркер Бея, служить кото-

рому не только выгодно, но и безопасно. В нашу задачу входит обеспечение повышения благосостояния людей, работающих или сотрудничающих с нами, и самое главное, предоставление им реальной безопасности. А пока будем беречь меня от курдов, пока я жив, они вряд ли осмелятся явно притеснять тех, кто служит мне. Нам нужно подумать, как обозначить людей работающих и сотрудничающих с нами. Мы должны создать для курдов невыносимые условия для разбоя на тех территориях, где появляемся. А если они попытаются рискнуть и напасть на наших людей, то мы ответим, и наш ответ должен быть в сотни раз болезненнее. Хищники понимают только язык силы, и мы обязаны быть сильными и беспощадными к нашим врагам, а с местными властями придётся договариваться. Возьмём их на довольствие и постараемся держать под контролем. По сути, им нужно, что бы в подконтрольных территориях был порядок, нормальная собираемость налогов, и естественно, чтобы и им кое-что досталось. Не вижу особых проблем, удовлетворить потребности властей и организовать их благосклонное отношение к нам, для этого мы должны всего лишь быть им более предпочтительными, чем курды.

Друзья мои, напоминаю в очередной раз, всё это возможно реализовать, только в том случае, если нам удастся собрать вокруг себя всех тех, кто не хочет примириться с нынешним состоянием дел в Османской Империи, и готов посвятить свою жизнь защите своего народа. Задача трудная, но её реализация вполне возможна. Не нужно Беркер Бея превращать в символ, он для этого не подходит, ненависть к туркам у местных народов ничем не перешибешь, и совершенно нет необходимости так поступать. Мы организуем коммерческую компанию, и придётся придумать благозвучное название для неё. Люди будут служить компании, а не Беркер Бею, который станет его хозяином и всякое упоминание о нём в среде простых обывателей должно быть ограничено. Беркер Бей будет известен только властям и деловым кругам. Непосредственным руководством компании займутся те, кто наиболее подходит для этой работы.

– Простите Ваше Высочество, но на сегодня достаточно сюрпризов. Полчаса назад я почти был уверен, что мы находимся в безнадежном положении, а вы ставите перед нами грандиозные задачи. Нам нужно понять и почувствовать, чего и как вы хотите добиться. Только после этого мы будем способны адекватно воспринимать ваши приказы и рекомендации, нацеленные на достижение поставленных задач, – обратился ко мне майор Кириллов.

Я внимательно взгляделся в лица моих соратников, и понял, что слова майора продиктованы их замешательством, вызванным моими высказываниями и предложениями. Действительно, майор был прав, нужно было взять паузу.

Следующий день ожидался довольно сложным. С утра должна была состояться назначенная встреча со старостами деревень, а днём пройдёт церемония похорон погибших охранников.

В тот день я сам был удивлен своему поведению. Не было никакой логики в том, что я тогда предложил. Через годы, вспоминая этот день, я понял, почему на интуитивном уровне поступил так, а не иначе.

Глава 5

Ранним октябрьским утром из нашего лагеря выехали три всадника. Прошло 12 дней, до предела насыщенных разнообразными событиями и делами, после боя с курдами. За два дня до этого в нашем лагере появился Юсуф Эфенди, доверенное лицо Эрзурумского Вали. По его словам, предводитель курдов Шейх Мансур, отказался от моего предложения прибыть на переговоры, и даже не пожелал обсудить с ним свои дальнейшие действия, связанные с уничтожением Махмуд Бека и его шайки. Турок выглядел вполне довольный собой, было ясно, что он успел за это время связаться с Эрзурумским Вали и получить конкретные указания, как вести себя в сложившихся обстоятельствах. Единственное, что нам удалось выведать от Юсуфа Эфенди, это его заверение, что курды не осмелятся идти на прямое противостояние с высоко-родным турецким Беем. Не трудно было догадаться, курды получили добро от властей на месть непосредственно по отношению ко мне, но при этом обязательно должны были действовать скрытно. Портить отношения с курдами из-за какого-то там Бея, чья семья была в опале у Султана Абдул-Азиза, власти не пожелали, но и допустить слухи о том, что они замешаны в моём предстоящем убийстве, так же нельзя было сделать. Мои соратники долго мучились в поисках решения, как обезопасить меня, и их терзания продолжались бы и дальше, если бы Андреас за день до моего выезда из лагеря не обрадовал меня.

– Ваше Высочество, в первые дни прибытия каравана в долину, Ахмед Ага и его помощники расспрашивали о некоей особе, с которой вы встретились случайно на дороге в долину, – обратился ко мне Андреас. Выглядел он при этом растерянным. – Я об этом узнал только вчера вечером от моего отца, с которым мы наконец начали нормально общаться, и то после того, когда он узнал, что я служу у турецкого Бея. Он до сих пор считает меня виновным в том, что я осмелился отомстить за изнасилование и смерть моей несчастной сестры. Может по-своему он и прав, но такая правда для меня не приемлема.

Отец рассказал о вашем интересе к нашей дальней родственнице, и что тогда он не решился сообщить, что знает, кем является эта незнакомка. После того как вы раздали скот курдов жителям долины, и пообещали помочь с кормами на зиму, в его поведении трудно обнаружить хоть какой-то здравый смысл. Он считает вас благодетелем и защитником жителей долины, хотя в день уничтожения шайки Махмуд Бека проклинал вас, и был уверен, что вы навлекли на нас крупные беды. Как бы ни было прискорбно признать, но вы оказались правы, когда предположили, что жители долины, получив ощутимый подарок, позабудут о своих опасениях и чувство личной выгоды заставит их признать вас своим защитником, а в реальности они превзошли ваши ожидания, и готовы считать вас своим господином. Моя семья получила в подарок несколько сот голов скота, и в результате этого у отца произошло затмение рассудка. Я уверен, что вы сдержите свое обещание и защитите население долины от курдов, но мне известно, кем вы являетесь на самом деле, а мой отец, да и не только он, рискнул ради собственной выгоды довериться обещаниям турка. В многовековой истории нашего порабощения не имеется хоть одного примера того, чтобы турки сдержали слово данное гяурам. Вы считаете, что обыватели такие, какие они есть, и мы не имеем право их осуждать, но мне стыдно за их поведение. Я не могу простить отца, что после того, как турки стали причиной смерти его родной дочери, он решился сообщить турку о своей родственнице, семья которой сделала немало добра для нас. Ради желания, выглядеть перед вами в хорошем свете, он готов принести в жертву ни в чем не повинную молодую девушку.

– Андреас, я понимаю причины твоих переживаний, но ради всех святых, не тяни, говори наконец, кто та, образ которой постоянно передо мной, – я не сдержался и прервал его. Сейчас по прошествии многих лет, я понимаю, что поступил бесцеремонно и эгоистично. Он ведь тогда переживал худшее из разочарований. Трудно свыкнуться с мыслью, что родной и люби-

мый человек способен на такое. Но тогда я от счастья не мог сдержаться, ведь у меня появился шанс узнать кто та, о которой я постоянно грезил и почти два месяца боялся, что мне больше не представится случай увидеть её.

До сих пор помню, какими печальными глазами Андреас тогда смотрел на меня, и как бы мне не было стыдно все прошедшие долгие годы, уверен, что вряд ли смог сдержаться при таких обстоятельствах, даже сейчас. Кто действительно был влюблён, поймёт меня. Когда случайно встречаешься с той единственной, то происходит нечто необъяснимое. Совершенно незнакомая особа становится смыслом твоей жизни, постоянным источником ни с чем несравнимого счастья. В прошлой жизни мне не пришлось испытать такое и сдержаться...

– Её зовут Мария Комнин, она дочь очень влиятельного и богатого человека. Моя мать является дальней родственницей матери Марии, и наша семья во многом благодаря этому родству живёт долгие годы достаточно благополучно. Все земли нашей долины, в том числе и пастбища, являются собственностью семьи Комнин. Отец Марии является последним прямым потомком Великих Комнин, императорской династии, правящей Византией и Трапезундской империей. Мой отец не признаёт, из-за гордыни, всё-то добро, что сделала эта семья для нас. Когда мы с Леоном отомстили туркам, именно благодаря материальной и другой помощи отца Марии Андроника Комнин, мы смогли скрыться от властей. Эта информация тайна, но я считаю, что вы должны быть в курсе, Андроник Комнин является лидером греческого сопротивления в Центральной Азии, но к сожалению, в начале этого года он тяжело заболел, и после апоплексического удара, так и не смог до сих пор восстановиться. Мария его единственная наследница, и ей приходится управлять всеми семейными делами. По этой причине она посещала долину, вот почему вы с ней случайно встретились.

Ваше Высочество, предупреждаю сразу, ради её покоя и безопасности я готов на всё. Хотя я и уверен, что человек столь благородного происхождения как вы не может поступать плохо, и мое недолгое знакомство с вами подтверждает это, но мы знаем друг друга не так уж долго, и я решился предупредить вас.

Этот парень своей принципиальностью и прямоотой характера с каждым днём нашего знакомства, становился мне всё более симпатичным. Я не в силах больше ждать опять перебил его.

– Запомни, как бы ни сложились наши отношения с Марией, после встречи с ней, я до последней секунды своей жизни буду защищать её, от любых несчастий и проблем, и сам ни в коем случае не стану причиной их возникновения.

Я не знаю, что случилось со мной, но после нашей единственной встречи я не могу забыть о ней, и она является той, ради призрачной надежды встретиться с ней ещё раз, я принял решение обосноваться в долине.

Андреас не тая, я не в состоянии ждать, как я могу с ней встретиться вновь, умоляю тебя, говори.

– Их семья живёт в Трабзоне, – Андреас, произнося эти слова, с удивлением смотрел на меня. Можно было догадаться, для него является откровением, что богоизбранный такой же человек, как другие, и способен на личные чувства. Но он почему-то решил, нужно добавить к своему ответу информацию, имеющую практическое значение. – Семья Комнин является одной из влиятельных и богатейших Анатолийского побережья. Она владеет обширными земельными участками в восточной части империи. Андроник Комнин имеет огромное влияние, как на греков, так и на грузин, которые считают его потомком по женской линии грузинской царской династии Багратионов.

После получения этого известия, для меня не было ничего важнее скорейшей встречи с прекрасной Марией. Я, забыв о всех существующих проблемах, и запланированных делах, неожиданно для моих соратников, дал согласие временно покинуть долину. После известий полученных от Юсуфа Эфенди, они все в один голос предлагали мне именно такое решение, до тех пор, пока нам не удастся, не только восстановить, но и многократно усилить нашу бое-

готовность. К тому времени к нам уже прибыла первая сотня русских военнопленных, и то состояние, в котором они находились, не позволяло нам рассчитывать, что раньше, чем через 2—3 месяца, они будут способны стать в строй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.